

Научная статья / Research Article

УДК 902(620)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2026\)38\(2\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2026)38(2).-02)

EDN: QLZBZK

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ВОЗМОЖНОСТЯХ АРХЕОЛОГИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНИХ ПИСЬМЕННЫХ ОБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ ЕГИПТОЛОГИИ)

Максим Александрович Лебедев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия;

maximlebedev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1524-2083>

Резюме. В статье анализируется дискуссия о роли и возможностях археологии при изучении такого письменного общества, как древнеегипетское. Приводится краткий обзор истории развития египетской археологии, которая условно делится на три этапа: антикварианизм, типологический и контекстуальный, — а также обсуждаются ее связи с историей и антропологией. Отмечается, что на протяжении долгого времени египетская археология находится в зависимости от текстоцентричной парадигмы, в рамках которой археологические данные рассматриваются главным образом как вспомогательный материал для реконструкций, основанных на письменных источниках. Лишь на контекстуальном этапе своего развития, начавшемся в 1960-х гг. на фоне быстрого роста числа археологических источников при замедлении поступления новых текстов, египетская археология стала укреплять свой статус как самостоятельная дисциплина в рамках египтологии. Среди главных особенностей археологического изучения Древнего Египта выделяются три: слабое развитие поселенческой археологии, малое число профессиональных египтологов и относительно невысокий уровень специализации. Они способствовали, по мнению автора, теоретическому отставанию египетской археологии, в том числе в обсуждении возможных механизмов согласования письменных и археологических свидетельств. В настоящий момент в египтологии зарождается своя теоретическая археология, учитывающая специфику древнеегипетских источников. Несмотря на сохраняющийся текстоцентризм, усиливается представление об условности границы между текстом и материальной культурой, все чаще египтологи обсуждают вопросы археологической герменевтики. Перспективы развития дисциплины связываются с углублением междисциплинарной интеграции, а также расширением применения теоретических моделей и сравнительных исследований.

Ключевые слова: египтология, археология, история, антропология, историческая археология, археологическая теория

Для цитирования: Лебедев М.А. К вопросу о роли и возможностях археологии при изучении древних письменных обществ (на примере египтологии) // Теория и практика археологических исследований. 2026. Т. 38, №2. С. 26–61. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2026\)38\(2\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2026)38(2).-02)

ON THE ROLE AND POTENTIAL OF ARCHAEOLOGY IN THE STUDY OF ANCIENT LITERATE SOCIETIES (THE CASE OF EGYPTOLOGY)

Maksim A. Lebedev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

maximlebedev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1524-2083>

Abstract. The article analyses the debate concerning the role and potential of archaeology in the study of Ancient Egypt. It offers a brief overview of the history of Egyptian archaeology, conventionally divided into three stages — antiquarian, typological, and contextual — and discusses its relationship with history and anthropology. It is noted that for a considerable period Egyptian archaeology has operated within a text-centred paradigm, in which archaeological data have been regarded primarily as auxiliary material for reconstructions based on written sources. Only during the contextual stage of its development, which began in the 1960s against the backdrop of a rapid increase in archaeological evidence and a simultaneous slowdown in the discovery of new texts, did Egyptian archaeology begin to consolidate its status as an autonomous discipline within Egyptology. Three factors are identified as distinctive features of its development: the limited advancement of settlement archaeology, the relatively small number of professional Egyptologists, and a comparatively low degree of specialisation. In the author's view, these factors contributed to the theoretical lag of Egyptian archaeology, including in discussions of possible mechanisms for reconciling written and archaeological evidence. At present, a distinct theoretical archaeology is emerging within Egyptology, one that takes into account the specific nature of ancient Egyptian sources. Despite the persistence of text-centrism, there is a growing recognition of the permeability of the boundary between text and material culture, and Egyptologists are increasingly engaging with questions of archaeological hermeneutics. The future development of the discipline is associated with deeper interdisciplinary integration and a broader application of theoretical models and comparative studies.

Keywords: Egyptology; archaeology; history; anthropology; historical archaeology; archaeological theory

For citation: Lebedev M.A. On the Role and Potential of Archaeology in the Study of Ancient Literate Societies (The Case of Egyptology). *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovanij = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2026;38(2):26–61. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2026\)38\(2\).-02](https://doi.org/10.14258/tpai(2026)38(2).-02)

Введение
Важнейшая для археологии граница проходит между дисциплинами, изучающими периоды и общества без письменности, и дисциплинами, изучающими периоды и общества с письменностью. Эта граница, в частности, отделяет «доисторическую» археологию (археологию бесписьменных обществ) от «исторической» археологии¹. Для антикваров этого рубежа не существовало, поскольку в их представлениях человеческую историю можно было проследить по текстам вплоть до самых истоков (до Сотворения мира) (Andrén, 1998, p. 1–2). Возникшая в XIX в. идея о существовании доисторического периода за горизонтом письменности, ставшая важнейшим прорывом в социальных и гуманитарных науках, была радикальным нарушением антикварного образа мышления и легла в основу современной археологии. Можно сказать, что археология как наука родилась с этим дуализмом (письменное/историческое и дописьменное/доисторическое) и в какой-то степени благодаря ему.

В археологической теории традиционно доминируют специалисты по бесписьменным обществам, работы которых иногда представляются эталонными. Историческая же археология занимает в археологических дебатах весьма скромное положение, ее цели и задачи не всегда интересны и понятны коллегам (Andrén, 1998, p. 2). Наличие текстов, действительно, может очень значительно изменить роль археологии в познании прошлого. Часть исследователей полагают, что появление письменных источников сни-

¹ К ней можно отнести археологию как письменных обществ, так и обществ бесписьменных, но описанных или упомянутых в текстах, созданных в рамках других культур.

жает значение материальной культуры; другие, напротив, видят в наличии текстов новые возможности для археологии, расширяющие ее эпистемологический потенциал². Поскольку наличие письменных источников лежит в основе разделения археологии на «доисторическую» и «историческую», в центре дискуссий о сути и возможностях археологии письменных обществ обычно оказываются отношения между материальной культурой и текстом (артефактом/экофактом и словом) (Andrén, 1998; Moreland, 2003; *Archaeology and Ancient History...*, 2004).

Методологическое отчуждение таких родственных дисциплин, как археология и история, — одна из наиболее фундаментальных проблем современной исторической науки. Е. Н. Черных (2016) справедливо отмечает, что за последние полвека развитие археологии пережило целый ряд перемен, которые иначе как революционными не назовешь. Они предоставили в распоряжение археологов совершенно новые категории источников. За те же 50–60 лет работающие с текстами историки почти не получили в свое распоряжение новых документов или корпусов надписей, способных существенно расширить их возможности в изучении социальной организации, политической истории, культуры или хронологии древних обществ. Египтология здесь не исключение, а скорее характернейший пример. Хорошо известные письменные и изобразительные памятники бесчисленное количество раз перетолковываются, что позволяет уточнять детали отдельных событий и явлений, но не способно, похоже, стать основой для очередного качественного прорыва. Археология, в свою очередь, все более настойчиво вторгается в сферы, которые еще недавно были исключительной вотчиной истории, стараясь найти ответы на те вопросы, которые тяжело или невозможно решить при опоре исключительно на тексты. В каких случаях это действительно оправданно?

Сэр Р.Э.М. Уилер однажды весьма емко сформулировал основную особенность археологического источника³: «Археолог может найти бочку, но при этом совершенно не заметить Диогена» (Wheeler, 1954, p. 214). Несколько позднее ту же идею не менее образно выразил Ф. Баркер: «Тростниковая флейта может рассказать нам про диапазон своих нот, но не про мелодии, которые на ней исполнялись» (Barker, 1977, p. 200). С. Шеннан справедливо заметил, что археологические данные позволяют судить о реальной практике, но нередко слишком размыто свидетельствуют о существовавших институтах. Письменные же источники, по его мнению, напротив, ненадежно отображают реальную практику, зато повествуют об институтах и ожидаемой роли участников (Shennan, 1993, p. 55). Отношения археологических и письменных источников описывались и в рамках других дихотомий. Например, как априори объективные и априори тенденциозные (Кон, 1959, с. 235). Как фрагменты жизни и сообщения о жизни (Григорьев, 1981, с. 5). Как то, что полноценно можно прочитать лишь однажды (во время раскопок), и то, что читать можно бесконечно много раз (Мартынов, Шер, 1989, с. 19) и т.д. Если речь заходит о древних обществах, то письменные источники связывают преимущественно с интересами, воззрениями и предубеждениями элит, а в археологических свидетельствах часто видят окно в мир простых людей (см. ниже). Все эти противопоставления сводятся, по сути, к тому, что археологические и письменные источники подсвечивают разные стороны одной и той же древней реальности. Кажется, что историкам

² В частности, в исторической археологии предлагается видеть естественную «лабораторию», в которой можно тестировать более общие археологические теории. Такой подход, впрочем, критикуется (Moreland, 2003, p. 25–26).

³ Под археологическим источником мы понимаем материальные остатки прошлого, а также их взаимоотношения, т.е. контекст.

и археологам нужно просто найти рабочий алгоритм сведения письменных и археологических источников в непротиворечивое единство. Однако серьезная проблема заключается в том, что не всегда и не во всем эти подсвеченные области вообще пересекаются.

Видный антрополог и археолог, автор многочисленных работ по археологической теории и истории археологической мысли Брюс Триггер полагал, что на смену традиционным для археологии дихотомиям, вроде противостояния культурно-исторической и функционально-процессуальной археологии, приходит новая дихотомия, в основе которой лежит деление на доисторическую и историческую археологию. Соответственно важнейшей задачей для развития археологии должно стать определение того, что дает наличие или отсутствие письменных источников (или устной традиции) при интерпретации археологических данных (Trigger, 2009, p. 535–536). Если это так, то отечественным коллегам, возможно, будет интересно ознакомиться с историей и промежуточными итогами развития египетской археологии, где порой исключительная сохранность памятников сочетается с наличием — а иногда и относительным обилием — текстов.

Специфика исторической археологии в Египте

По своему происхождению египтология — это историческая востоковедческая дисциплина, формально получившая академическую самостоятельность в 1976 г., когда в Каире был проведен Первый Международный конгресс египтологов⁴, отделившийся от Международных конгрессов востоковедов⁵. История археологического изучения древних письменных обществ Ближнего Востока в рамках египтологии, ассириологии, библейских исследований или классической археологии имеет много схожего с историей изучения европейских письменных обществ прошлого. Но есть два существенных отличия.

Во-первых, археологическую науку на Ближнем Востоке и в Северной Африке создавали и затем долгое время развивали исключительно иностранцы. Поэтому данные о прошлом некогда существовавших здесь обществ, в том числе об их материальной культуре, добывались и затем интерпретировались преимущественно представителями тех государств, институты которых использовали новые знания в процессе легитимации своего военного, экономического, политического или культурного доминирования в регионе (Thompson, 2015a, b, 2018; A History of World Egyptology, 2020). Ближний Восток и Северная Африка при этом виделись и как источник древней высокой культуры, естественной наследницей которой стала европейская и — шире — западная цивилизация (концепция *ex oriente lux*)⁶, и как территория, застывшая во времени под влиянием «восточного деспотизма» и традиции (Said, 1978; France, 1991; Саид, 2006; Reid, 2003; Views of Ancient Egypt..., 2003)⁷. В наше время преодолеть эту особенность призван антиколониальный дискурс.

⁴ Изначально предполагалось, что новые конгрессы будут собирать как египтологов, так и специалистов по Ближнему Востоку в целом. Однако ассириологи и семитологи не проявили к этой инициативе достаточного интереса, после чего конгресс стал исключительно египтологическим (A History of World Egyptology, 2020, p. 62).

⁵ Проводились с 1873 по 1973 г. С 1974 г. конгресс изменил свое название, уйдя от европоцентристского термина «востоковедение». В настоящее время это Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки (ICANAS).

⁶ Вплоть до гипердиффузионизма, в котором Египет (Smith, 1911, 1933) или Месопотамия (Raglan, 1939) объявлялись родиной и источником большинства важнейших инноваций древности (Trigger, 2009, p. 220–222).

⁷ Египтология здесь не была исключением. И хотя за время, прошедшее с начала «профессионализации» египетской археологии в конце XIX в., ситуация значительно изменилась, даже в наши дни более трех четвертей археологических и эпиграфических проектов в Египте реализуются иностранцами — преи-

Во-вторых, возникновение исторической археологии в нашем регионе происходило на фоне расшифровки древних систем письменности, в частности, египетской иероглифики и клинописи. Это привело к тому, что археологические исследования на Ближнем Востоке почти с самого начала оказались связаны с филологией и лингвистикой значительно сильнее, чем на территории Европы (Andrén, 1998, p. 37–38). Сегодня, например, считается правилом, что любой египтолог, ведущий самостоятельные полевые исследования, знает древнеегипетский язык как минимум в том объеме, который позволяет ему ориентироваться в оригинальных письменных источниках по его основной теме. Это часто отличает египтологов от коллег, занятых в античной или средневековой археологии, делая последующую борьбу с «текстоцентризмом» в египтологии весьма заметным явлением.

Стоит обратить внимание также на одну существенную особенность уже конкретно египетской археологии. Она определяется спецификой египетского вмещающего ландшафта, под которым мы понимаем единство природного и культурного ландшафтов (Антипова, 2006). Из-за подъема нильской поймы и дельты на протяжении тысячелетий за счет новых аллювиальных отложений и высокого уровня грунтовых вод в наши дни абсолютное большинство древних поселений и объектов инфраструктуры остаются теперь недоступными для полноценного археологического изучения или даже разведок. Например, большинство поселенческих памятников III тыс. до н.э. находится сегодня под слоем аллювия мощностью 4–6 м, в то время как грунтовые воды нередко обнаруживаются на глубине 1–2 м. Это позволяет относительно легко изучать обычно только позднейшие стадии существования находящихся на поверхности археологических памятников. Кроме того, многие древние поселения и некрополи, занимавшие естественные возвышения, находятся под современной застройкой. Стечение данных обстоятельств привело к тому, что на протяжении всей истории египтологии наиболее доступными для изучения археологами оставались древние памятники на окраинах пустынь — храмы, кладбища, основанные по инициативе государственной администрации поселения (поселки строителей пирамид и царских гробниц, поселения слуг и служителей заупокойных культов). Кроме того, непосредственно в пустынях традиционно изучают элементы древнеегипетской инфраструктуры — караванные пути, путевые станции, рудники, каменоломни, якорные стоянки, лагеря рабочих, пустынные храмы, источники воды, а также кладбища и стоянки скотоводов. Таким образом, большая часть поселений и кладбищ долины и дельты Нила, в особенности ранних периодов, сегодня, вероятно, фактически утрачена для науки из-за геоморфологических процессов, а сохранившиеся памятники пустынь и пустынных окраин лишь частично отражают общую картину древней реальности.

Долгое время теория и методика египетской археологии, а также связи археологии с историей и антропологией сравнительно редко становились предметом анализа и рефлексии самих египтологов. В последние 50 лет интерес к данным темам, однако, значительно возрос и продолжает увеличиваться⁸, хотя двигают его традиционно не бо-

мущественно европейцами и североамериканцами — или при их участии. Концепция «вечного Египта», тесно связанная с традициями ориентализма (неоориентализма) и колониализма (неоколониализма) в культуре, хоть и подвергается порой очень яростной критике (Moreno García, 2014), но продолжает воздействовать на исследователей, определяя в некоторых случаях их подходы к получению и интерпретации данных.

⁸ См.: (O'Connor, 1974; Bietak, 1979; Butzer, 1980; Kemp, 1984; Guksch, 1988; O'Connor, 1990, 2003; Anthropology and Egyptology..., 1997; Giddy, 1999; Tassie, 2007; Egyptology Today, 2008; Hassan, 2009;

лее нескольких увлеченных специалистов, приходящихся на каждое поколение исследователей. В наши дни среди таких энтузиастов старшего поколения можно назвать К. Уикса (1941–), М. Битака (1940–), М. Ленера (1950–) и недавно ушедших из жизни Д. О’Коннора (1938–2022) и Б. Кемпа (1941–2024), а среди более молодых исследователей — Ш.И. Зайдельмайера (1957–), Я. Шоу (1961–), С.Т. Смита (1960–), Л. Мескелл (1967–) и Р. Буссмана (1975–).

Некоторые авторы, изучающие прошлое нильской долины и окружающих ее областей, отделяют египтологов (специалистов по древним текстам и искусству) от археологов (специалистов по древней материальной культуре) (Brewer, 2012, p. 1–2, 11–12). Мы не считаем такое разделение продуктивным. Большую часть истории египтологии археология играла подчиненную роль по отношению к истории и искусствоведению, а раскопками в Египте традиционно занимались преимущественно специалисты с базовой подготовкой, полученной на основе изучения древних текстов⁹. В масштабной коллективной монографии под названием «История мировой египтологии» наша дисциплина определяется следующим образом: «Изучение всех аспектов древнеегипетской цивилизации... с основным временным фокусом на период с 3000 г. до н.э. по IV в. н.э., но не обязательно исключая период до 3000 г. до н.э.». Далее отмечается, что предмет исследования египтологов очень широк и «охватывает памятники, артефакты и тексты, человеческие, животные и растительные останки, а также их научный анализ... с акцентом на их значение для изучения языка, религии, искусства, повседневной жизни и истории древних египтян». По сути, в этом определении закрепляется статус египтологии как исторической науки, изучающей самый широкий набор источников (A History of World Egyptology, 2020, p. 2), хотя примечательно, что в списке выбранных авторами объектов египтологических исследований нет, например, древних ландшафтов и экологии.

В конце стоит сказать об отечественной археологии в Египте. Политические и экономические обстоятельства привели к тому, что археология и, шире, полевые исследования стали неотъемлемой частью отечественной египтологии только в последние три десятилетия¹⁰, а до этого фактически отсутствовали¹¹. Это серьезно отличало специалистов из СССР даже от их коллег в других социалистических странах и привело к тому, что археологическая теория и практика не оказывали на отечественную египтологию никакого влияния почти весь XX век. Единственным советским специалистом, регулярно привлекавшим археологические свидетельства к исследованиям древнеегипетского общества и технологий, была Х.А. Кинк (1964, 1979).

После распада СССР археологические источники стали впервые последовательно использовать в отечественной египтологии при изучении древнего вмещающего ландшафта (Прусаков 1999, 2009). Современные российские египтологи, занимающиеся археологическими исследованиями, имеют изначально историческое, ис-

Egyptian Archaeology, 2010; Standards of Archaeological Excavations..., 2010; Brown, 2010; Smith, 2010; Brewer, 2012; The Oxford Handbook of Egyptology, 2020; Bussmann, 2015, 2022, 2023).

⁹ Исключения, безусловно, были и есть. Самый яркий пример — это, пожалуй, основатель современной египетской археологии Ф. Питри, работы которого нередко страдали от слабого знакомства с древними языками (Smith, 1945, p. 9).

¹⁰ Библиография публикаций по первым постоянным отечественным археологическим проектам в Египте: (Лебедев, Малых, Ветохов, 2022, с. 308–316; Возвращение в Египет..., 2022).

¹¹ О работах в Египте В.С. Голенищева и Нубийской экспедиции АН СССР см.: (Лебедев, Малых, Ветохов, 2022, с. 317–318).

кусствоведческое или этнографическое образование и традиционно сосредоточены на публикации результатов своих полевых работ. Лишь в последние годы они стали совмещать анализ письменных, изобразительных и археологических источников в рамках более общих исследований: древнеегипетского погребального ритуала (Малых, 2025), гробничной архитектуры (Ветохов, 2024) или роли пустынь в истории государства и общества Древнего Египта (Лебедев, 2025). Вопросы археологической теории работающих в Египте российских ученых занимают пока мало, развитие их интерпретационных практик еще должным образом не отрефлексировано. Впрочем, необходимость защищать свои квалификационные работы по направлению «Всеобщая история» побуждает российских египтологов-археологов интерпретировать полученные в ходе раскопок материалы в рамках решения исторических задач и развивать таким образом навыки сопоставления и анализа широкого круга источников.

История, теория и практика археологического изучения Древнего Египта

Историю археологического изучения Древнего Египта можно разделить на три основных этапа: эпоху *антикварианизма* (до 1880-х гг.), *типологический* этап (1880-е — 1950-е) и этап *контекстуальный* (1960-е — настоящее время). Это деление не отражает, конечно, всей сложности происходивших в нашей науке процессов и разнонаправленных движений, но результирующие векторы она определяет, как нам кажется, верно: по мере смены парадигм (шаблонов мышления) в центре повышенного внимания работавших в Египте и Судане археологов попеременно оказывались предмет, тип и контекст¹². Мы несколько раз уже обращались к истории египетской археологии (Лебедев, Малых, 2022, с. 193–240; Лебедев, 2025, с. 25–36), поэтому здесь выделим главное из того, что может быть интересно для коллег из других дисциплин.

Ко временам Египетской кампании Наполеона Бонапарта (1798–1801) можно отнести два важных для нашей науки процесса: превращение ориентализма в политический инструмент (Said, 1978, р. 79–80) и начало формирования египтологии (Thompson, 2015a, р. 97–108; Fagan, 2004). Вместе с солдатами революционной Франции в Египте оказалась первая на Ближнем Востоке по-настоящему научная экспедиция, воплотившая в себе идеалы и достижения эпохи Просвещения. Даже по современным меркам она носила вполне выраженный мультидисциплинарный характер: прибывшие вместе с Наполеоном ученые изучали не только древности, но и климат, географию, геологию, растительный и животный мир, экономику и этнографию Египта (Sarfatti, 2022).

Сегодня может показаться, что у египтологии в те годы был уникальный шанс сразу превратиться в комплексную дисциплину без доминирования одной категории источников — текстов. Действительно, археологическое наследие нильской долины и окружающих пустынных территорий очень велико и разнообразно. Эти памятники отражали важнейшие исторические процессы: переход к производящему хозяйству, урбанизацию, зарождение раннего государства (причем государства территориального), развитие каменной архитектуры и идей, оказавших влияние на современные мировые религии, и пр. К этому можно добавить сравнительное обилие письменных и изобразительных источников, сложившееся благодаря климату и доступности минерального сырья, включая камень и металлы, а также весьма подробно описанную современную культуру, сохранившую до XIX в. многие архаичные практики, институты, обря-

¹² Впервые данные этапы для египетской археологии были предложены К. Уиксом, который позаимствовал типологию у керамистов (Weeks, 2008).

ды и обычаи. Могло ли все это стать предпосылками для того, чтобы египтология заняла среди изучающих прошлое социально-гуманитарных наук место лидера в области теоретических исследований и практики интеграции археологии, истории и антропологии? Вероятно, в тех исторических условиях это было невозможно, поскольку такого интеллектуального запроса еще не существовало. А к сегодняшнему дню египтология, нарастив методологическую силу и специализацию, ожидаемо утратила способность к быстрым изменениям.

Десятилетия между походом Наполеона и учреждением в 1831 г. во Франции первой профессорской должности для специалиста по Древнему Египту иногда называют предысторией египтологии (A History of World Egyptology, 2020, p. 8–24). В это время получение новых знаний о Древнем Египте было тесным образом связано с изучением материальной культуры, но превращение египтологии в собственно науку традиционно связывают не с повышением качества раскопок или появлением у археологов новых вопросов, а с дешифровкой египетской иероглифики в 1820–1830-е гг. Во многих научных институтах по всему миру (в том числе — и это особенно важно — в центрах преподавания египтологии) именно 1822 г., когда иероглифическое письмо было дешифровано Ж.-Ф. Шампольоном, считается годом рождения египтологии. Это не удивительно, ведь в 1-й четверти XIX в. филология, а также изучение истории и религии с опорой на тексты были состоявшимися науками, в то время как молодая дисциплина археология им существенно уступала в развитии. Проходившие в 2022 г. по всему миру научные мероприятия со всей ясностью продемонстрировали, что и спустя 200 лет возможность читать древнеегипетские тексты осознается большинством египтологов как качественный скачок в развитии нашей дисциплины. Институциональное признание новая наука получила, как уже отмечалось, в 1831 г., когда Ж.-Ф. Шампольон получил кафедру в Коллеж де Франс. Характерно, впрочем, что это была позиция по археологии (*chaire d'archéologie*¹³): институционализация и египтологии, и восточной археологии произошла, таким образом, в результате одного и того же события.

Благодаря возможности читать найденные тексты египтологи смогли довольно быстро — примерно за 60 лет — и весьма детально реконструировать политическую и культурную историю Древнего Египта, разбив ее на привычные нам сегодня этапы — Раннее, Древнее (Старое), Среднее, Новое царства и Поздний период — с переходными периодами между ними (Meyer, 1887). Господствовавшая тогда классическая парадигма исторического исследования в своем стремлении к целостности неизбежно выводила на представление о египетской истории как единстве, имеющем определенную логику развития. Сначала для выявления этой логики проводилась систематизация данных из письменных источников. Но когда такая работа в целом была проведена, пришло время сделать то же самое с источниками материальными. Именно это, на наш взгляд, стало главной объективной причиной перехода египетской археологии к следующему этапу развития — типологическому.

Смена парадигм началась в конце XIX в. благодаря активной деятельности британского археолога Флиндерса Питри и его современников, обращавших гораздо более при-

¹³ История названий данной кафедры хорошо иллюстрирует сложные отношения, сложившиеся внутри египтологии между специалистами по материальной культуре и текстам. Свое название кафедра археологии сохраняла до 1859 г. С 1860 по 1916 г. она была переименована в кафедру «египетской филологии и археологии». С 1923 по 1957 г. — «египтологии». С 1957 по 1978 г. — вновь «египетской филологии и археологии». С 1978 по 1997-й — снова «египтологии». А с 1997 г. по настоящее время кафедра называется «Цивилизация фараонов: археология, филология и история».

стальное, чем их предшественники, внимание на архитектуру, планиграфию памятников и массовые материалы, а позднее и на стратиграфию. Археологи типологического этапа работали преимущественно в рамках культурной истории, отвечая на три главных вопроса: «Что? Где? Когда?». В основе их классификаций лежали форма, материал и стиль.

С началом типологического этапа можно говорить о профессионализации египетской археологии. Раскопки приобрели научно контролируемый и систематический характер, было признано значение массовых материалов и тех категорий памятников, которые прежде не привлекали большого внимания (поселений, неэлитных кладбищ, инфраструктурных объектов и пр.), а среди новых инструментов оказались метод сериации и несколько позже — стратиграфия. Так археологи в Египте преодолели тот рубеж, который их коллеги, историки и филологи, миновали на два-три поколения раньше благодаря дешифровке иероглифической письменности.

Важно отметить, что Флиндерс Питри, основатель современной египетской археологии и непосредственный начальник и учитель многих выдающихся египтологов, всю жизнь видел себя прежде всего историком, активно пропагандируя роль археологии как инструмента для изучения древнеегипетского общества и его эволюции¹⁴. Совершенно естественно, что в его работе прослеживалась и тесная связь с антропологией, которая тогда многими мыслилась как дисциплина историческая (Adams, 1997, p. 28). Его младший современник Дж.Э. Райснер также положил археологические источники в основу нескольких исторических по своей сути исследований отдельных сегментов древних обществ Египта и Судана (Reisner, 1923, 1932, 1942).

Казалось, что с самого начала своей профессионализации египетская археология заявила о себе как о дисциплине с высоким потенциалом в области исторических интерпретаций. Однако ни упомянутые выдающиеся археологи, ни их современники не смогли развить эти первые начинания в области социоэкономических и исторических исследований. Причин было несколько, но главной из них, возможно, было то, что большинство археологов-египтологов оказались заняты на музейных позициях. Это делало приоритетом их работы сбор и документирование археологических памятников, и только потом их анализ (O'Connor, 1990, p. 45–47)¹⁵.

В результате основным вкладом египетской археологии в исторические исследования того времени стала относительная хронология предметов материальной культуры. Именно тогда были описаны и обоснованы главные типологические последовательности, которыми египтологи пользуются по сей день, — от архитектуры до керамики. Составление типологий требовало продолжительных раскопок большими площадями и крупных региональных исследований, что привело к быстрому росту числа ярких находок. Не случайно три первые десятилетия типологического этапа (1880-е — 1914 гг.) станут известны впоследствии как «золотой век» египетской археологии (Thompson, 2015b).

В целом же, несмотря на масштабные раскопки, значительно улучшившуюся методику полевых исследований и обработки археологических материалов, а также интерес к новым

¹⁴ Сам он использовал сделанные находки для подкрепления своих идей о цикличности в истории и диффузии культуры в результате массовых миграций или менее масштабных переселений, которые в наши дни обсуждаются преимущественно как историографические курьезы (Drower, 1995, p. 428).

¹⁵ В итоге даже в конце XX в. авторитетный историк древнеегипетской религии и культуры Ян Ассманн считал возможным писать о том, что «археология как наука имеет дело со следами; методологически это сохранение следов, а не герменевтика, как история искусства и филология» (Assmann, 1991, p. 17, no. 4).

сюжетам — например древним технологиям (Lucas, 1926), в египтологии, как и в антиковедении того времени, продолжало доминировать изучение политической истории, идеологии, религии, искусства и архитектуры на основе текстов, изображений и руинированных остатков монументальных памятников, которые археологи исправно вводили в научный оборот. Естественным следствием профессионализации археологии в Египте стало гораздо более заметное разделение египтологов на две неравные группы в соответствии с изучаемыми культурными объектами: специалистов в области анализа письменных источников и специалистов в области анализа археологических данных. Если последние, как уже отмечалось, нередко оказывались на музейных постах, то преподавание фактически сконцентрировалось в руках первых (O'Connor, 1990)¹⁶. Хотя степень специализации в египтологии и тогда, и сейчас относительно низка¹⁷, если сравнивать ее с тем же антиковедением, ускорившееся размежевание имело свои важные последствия, о которых будет сказано ниже.

Конец типологического этапа пришелся на, пожалуй, самое тяжелое время для египетской археологии. В плане методики раскопок или ярких находок никакой видимой деградации не было¹⁸, но время с середины 1930-х по 1960 г. сегодня нередко описывается как застойное и для египетской археологии, и для египтологии в целом (Thompson, 2018, p. 225–259; Brown, 2010, p. 24–30). Среди объективных причин такого положения вещей следует назвать кризисный межвоенный период и Вторую мировую войну, затронувшие все страны с развитыми египтологическими школами, а также упадок колониальной системы, рост египетского национализма и административные ограничения на ведение раскопок и вывоз памятников¹⁹ — все это заметно снизило общественный и институциональный интерес к Древнему Египту и серьезно сократило число иностранных экспедиций в долине Нила. Некоторые яркие научные события 1930–1950-х гг., вроде раскопок раннединастических мастаб в Саккаре (1935–1939), обнаружения нетронутых царских погребений в Танисе (1939–1946) или открытия двух деревянных ладей царя Хуфу в Гизе, (1952) не могли изменить этой тенденции вплоть до окончания послевоенного восстановления в Европе. С другой стороны, за исключением некоторых памятников, вроде Телль эль-Амарны, все основные археологические проекты того времени традиционно оставались связаны с привычными раскопками гробниц и храмов, что не создавало объективных потребностей в теоретическом и методологическом развитии.

¹⁶ Ярким исключением здесь вновь был Ф. Питри, который принял участие в создании в Университетском колледже Лондона первого в Великобритании центра преподавания египтологии. Учебная программа там была ориентирована на практику полевых исследований: в центре находилось изучение материальной культуры, а преподавание языка, искусства, религии и истории служило дополнением к археологии (Smith, 1945, p. 10–11).

¹⁷ Возможно, просто в силу малого числа вовлеченных в египтологию специалистов (Trigger, 2009, p. 502).

¹⁸ Для подтягивания методов полевых исследований до стандартов своего времени начальники экспедиций в случае необходимости привлекали специалистов из других научных областей и регионов. Так, в раскопках Г. Юнкера и Г. Штайндорфа на исторических памятниках участвовали специалисты по каменному веку, античные археологи и даже специалисты по археологии скандинавских поселений эпохи викингов (Voss, 2020, p. 236–237).

¹⁹ В 1926 г. появилось требование, согласно которому все раскопки на территории Египта должны были вестись под эгидой либо Национального музея, либо Службы древностей. После этого Ф. Питри, недовольный изменением политики молодого египетского государства, демонстративно перенес свою активность в Палестину. В 1936 г. уже существовавшие ограничения были дополнены фактическим запретом на вывоз с территории Египта ярких памятников археологии. Окончательный запрет на экспорт древностей из Египта был введен в 1983 г., под него не подпадают только музейные экспонаты для временных выставок.

Контекстуальный этап в египетской археологии²⁰ начался в 1960-х гг. с кампании ЮНЕСКО по спасению древностей Нижней Нубии (1960–1980), когда на территории Египта и Судана в большом числе оказались археологи с опытом работы за пределами нильской долины, в частности, представители набравшей тогда популярность процессуальной, или новой, археологии (Trigger, 2009, p. 386–443; Клейн, 2011, с. 229–308), а также специалисты, получившие антропологическую подготовку. Хотя символом международной кампании, безусловно, стал перенос монументальных храмов, включая знаменитые храмы Абу Симбела, основной объем изученных тогда памятников составили кладбища, поселения, крепости и стоянки, которые не дали большого числа новых текстов в силу своей бедности, провинциальности, функции или ранней датировки.

В результате нубийской кампании археология нильской долины, ее возможности, а также методы раскопок и аргументации оказались в центре внимания широкого круга ученых из разных стран, а также самих египтологов. Будет неверно утверждать, что хоть сколько-нибудь значительная часть египтологов погрузилась тогда в теоретические дебаты, сопровождавшие появление и развитие процессуальной археологии, или в проблематику антропологических исследований: новые идеи и подходы были восприняты почти исключительно только в среде специалистов по неолиту и палеолиту Египта и Судана. Но сам факт стремительного появления требующих объяснений археологических данных (при гораздо более медленном появлении новых письменных источников) поднял статус археологии внутри египтологии. Это запустило сложные процессы обновления, которые вдохнули в египтологию как комплексную дисциплину новую жизнь (Thompson, 2018, p. 285–304). Характер начавшихся тогда изменений, на наш взгляд, определялся тремя важными обстоятельствами.

Во-первых, на два десятилетия территория Нубии стала важной интеллектуальной контактной зоной, где ученые со всего мира обменивались идеями и опытом, завязывали личные контакты, разрушив прогрессирувавшую до этого изоляцию египтологии от других социально-гуманитарных дисциплин. Во-вторых, несколько упростившийся доступ к финансированию позволил египтологам-археологам еще до завершения кампании ЮНЕСКО начать создание новых крупных проектов на территории Египта (Thompson, 2018, p. 305–362). Эта волна создания экспедиций существенно отличалась от предыдущей, пришедшейся на типологический этап. Теперь в полевых исследованиях в Египте и Судане наметились несколько новых тенденций: 1) развитие поселенческой археологии; 2) расширение географии археологических работ, в том числе за пределами нильской долины и дельты; 3) рост внимания к археологическим разведкам; 4) рост интереса к изучению древних ландшафтов; 5) рост значения естественно-научных методов и экспериментальной археологии; 6) возвращение к ранее опубликованным памятникам с целью их ввода в более широкий природный и культурный контекст; 7) рост значения количественных методов. В-третьих, оформившийся после профес-

²⁰ Под контекстом (от лат. *contextus* — сплетение, (тесное) соединение) мы понимаем переплетение хронологических, пространственных, функциональных и смысловых связей археологического объекта (артефакта, экофакта, элемента культурного ландшафта, стратиграфической единицы) с другими объектами, их комплексами или действиями в рамках конкретной исторической ситуации и культуры. Соответственно контекстуальный этап развития египетской археологии — это время, когда фиксация, реконструкция или изучение контекста становятся одной из приоритетных задач археологов. Не следует отождествлять его с так называемой «контекстуальной археологией», возникшей в рамках пост-процессуализма (Johnsen, Olsen, 1992; Hodder, 1987a, b). Контекстуальная археология — это научное направление (Trigger, 2009, p. 453–456), а контекстуальный этап — это стадия развития археологической мысли и практики.

сионализации египетской археологии status quo, в котором археологические исследования неформально имели более низкий статус, чем филологические, благодаря увеличению числа раскопок начал оспариваться наиболее видными и успешными египтологами-археологами. Они обосновывали необходимость избавления интерпретаций археологических данных от примата текстов и ратовали за повышение самостоятельности археологии внутри египтологии²¹.

Данным изменениям предшествовал так называемый «экологический поворот», начавшийся благодаря работам Барбары Белл (Bell, 1971) и в особенности Карла Бутцера (Butzer, 1976). Вполне в традиции востребованной тогда процессуальной археологии Древний Египет в этих исследованиях рассматривался как система, в которой социальные, политические и экономические институты постоянно взаимодействовали с ландшафтом и климатом. К. Бутцер увязал развитие древнеегипетского общества с природными факторами, технологическими изменениями и моделями расселения. Это был принципиально новый подход к египетской археологии, где усилия специалистов традиционно направлялись в основном на описание раскопанных памятников, а сколько-нибудь широкие и комплексные проблемы обсуждались редко.

Помимо ставшего обычным обвинения в «текстоцентризме» (Bietak, 1979; Kemp, 1984), о чем еще будет сказано ниже, египтологию и египетскую археологию того времени постепенно начали критиковать за позднее развитие теории (O'Connor, 1990), теоретический изоляционизм и редкость открытой теоретической рефлексии (O'Connor, 2003). В качестве вариантов выхода из этой ситуации предлагались сравнительные, в том числе кросскультурные исследования древних обществ (Janssen, 1978; Trigger, 1993; Baines, Yoffee, 1998; Trigger, 2003; Baines, 2020), большая интеграция с антропологией (Anthropology and Egyptology..., 1997), развитие этноархеологии (Guksch, 1988) и экспериментальной археологии (Stocks, 2003).

Накапливавшаяся десятилетиями теоретическая изоляция египтологии действительно все больше давала о себе знать. Начавшийся еще на рубеже XIX–XX вв. кризис позитивизма, появление в качестве реакции на него сначала неклассической модели исторических исследований и связанных с ней цивилизационного подхода, истории повседневности и микроистории, а затем постмодернизма и неоклассической модели — все эти изменения практически не затрагивали египтологию вплоть до рубежа XX–XXI вв. Традиционно многонациональная египетская археология не прошла полноценно ни через процессуализм, ни через постпроцессуализм (Brown, 2010, p. 47–64), особенно сильно изменившие британскую и американскую науку. Отдельные работающие в Египте и Судане археологи, конечно, восприняли у процессуалистов интерес к естественно-научным методам и природным факторам развития древних обществ, а у постпроцессуалистов — релятивизм. Однако теоретические заимствования носили тогда, как правило, точечный характер. Так, один из основателей постпроцессуализма британец Иэн Ходдер оказал заметное влияние на методику ведения раскопок и документацию американской экспедиции в Гизе под руководством Марка Ленера (Lehner, Kamel, Tavares, 2011), а через нее — на специалистов, прошедших там практику.

Относительно недавно Кевин М. Браун высказал мнение о том, что египтологам, не успевшим воспользоваться в своей работе теоретическими и практическими достижениями процессуалистов и постпроцессуалистов, уже не стоит погружаться в их дис-

²¹ Почти как по В.И. Ленину: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться» (Ленин, 1967, с. 358).

куссии, поскольку те потеряли былую актуальность и только уведут археологию на берегах Нила по ложному пути. В качестве альтернативы он предложил так называемый плюралистичный контекстуальный подход. По сути, это привычный для первых десятилетий XXI в. призыв использовать в работе как можно более широкую источниковую и теоретическую базу при пристальном внимании к контексту и без экстремального релятивизма. По мнению К.М. Брауна, древнеегипетскую материальную культуру невозможно эффективно интерпретировать вне пространственного и институционального контекстов, а также текстов (Brown, 2010, p. 242–264).

В последнее время в египетской археологии все чаще появляются работы, использующие широкий теоретический инструментарий и посвященные относительно новым темам — проблемам взаимодействия людей прошлого с природными и культурными ландшафтами, идентификации и самоидентификации, мировоззрению, восприятию собственного тела и возраста, гендерным границам и взаимодействиям, агентности людей и вещей и др. (Egyptian Archaeology, 2010; Egyptology and Anthropology..., 2018; Ancient Egyptian Society..., 2023; Bussmann, 2015, 2023; Meskell, 1999, 2002, 2004). Когнитивная археология (в значительной степени следствие появления когнитивной антропологии) тоже иногда интересует египтологов (Prezioso, 2020; Graves-Brown, 2010). Все большее значение приобретает постколониальная теоретическая повестка (Bussmann, 2023, p. 115, 136). Одновременно некоторые ведущие раскопки египтологи высказывают интерес к проблематике школы «Анналов», изучая как структуры большой длительности, существовавшие в социальных связях, культуре, религии, политике, экономике и палеоэкологии на протяжении столетий, так и краткосрочные процессы или индивидуальные события. Нередко они же наиболее последовательно отстаивают использование в египетской археологии междисциплинарного подхода (Bárta, 2019; Bussmann, 2023).

Преимущества догоняющего развития конечны, и египтология, вероятно, неминуемо столкнется с теоретическим застоем, контуры которого уже обрисовываются. XXI век пока не породил никаких существенных теоретических инноваций в области истории ни на уровне теоретической рефлексии, ни в применении новых интересных концепций, ни в области междисциплинарной интеграции. Современную историческую науку двигают вперед тенденции, которые начались во 2-й половине XX в. и все еще продолжают развиваться, а также аналитические процедуры и методы, позаимствованные из прошлого столетия (Savelieva, 2011). Осознание плато, на которое вышли социальные и гуманитарные науки, породило неизбежную дискуссию о вероятном тупике, в который зашла к началу XXI в. и археологическая теория (The Death..., 2011). Среди египтологов похожие настроения удачно выразил Дж. Бэйнс: «Некоторые положения о древнем мире могут быть опровергнуты в случае появления четких и подходящих контраргументов, но это нечастая ситуация; и очень редко что-то может быть подтверждено, если только речь не идет о суждениях, которые настолько очевидны, что не представляют серьезного интереса. Гораздо чаще новые свидетельства обогащают и усложняют картину или вместо ответа на старые вопросы лишь задают дополнительные» (Baines, 2011, p. 583–584).

Итак, в эпоху антикварианизма и на типологическом этапе в изучении текстов и материальной культуры наблюдалась тесная связь, в которой филологическая составляющая доминировала над археологической. Профессионализация египетской археологии в конце XIX в. не изменила этой ситуации, но привела к постепенно нараставшему отчуждению между египтологами-филологами и египтологами-археологами. В начале типологического этапа, благодаря стечению ряда объективных и субъективных факторов, некоторые египтологи, такие как Ф. Питри (благодаря внедрению метода се-

риации) (Drower, 1995) или Дж.Э. Райснер (благодаря вниманию к стратиграфии) (Der Manuelian, 2023), могли считаться передовыми специалистами в области археологии письменных обществ. Однако, несмотря на явные успехи, задачи археологии и место этой дисциплины в египтологии тогда существенно не изменились. К концу типологического этапа египетская археология стала отставать от многих региональных археологий в теории и — в меньшей степени — методике и практике. На контекстуальном этапе эта тенденция переломилась благодаря продолжившейся специализации и претензиям археологов на самостоятельную значимость интерпретации археологических данных как в привязке к текстам, так и без нее. К концу 1-й четверти XXI в. можно с уверенностью говорить о том, что в плане методики раскопок некоторые экспедиции в Египте вновь не уступают лучшим современным проектам по всему миру. Значительно упростилось взаимодействие между египтологами, специализирующимися на текстах, и египтологами-археологами, которые все лучше понимают друг друга. Однако в плане теории и качества интерпретации данных в египетской археологии все еще достаточно проблем, и отставание от родственных наук здесь продолжает ощущаться.

Дискуссия о месте и роли археологии в египтологии

Спор о предмете и задачах археологии, в том числе применительно к изучению древних письменных обществ, не утихает многие поколения. За это время оформились три основные позиции, которые, на наш взгляд, достаточно хорошо описал Л. С. Клейн (2004, с. 44–48).

1. Археология — это источниковедческая дисциплина, подчиненная истории или антропологии (предмет археологии — это источники). Данная позиция была сформулирована коллекционерами-антикварами, которые постепенно превратились в археологов. Представители этой линии считают, что главная задача археологов — препарировать находки как источники для познания прошлого, а само познание должно осуществляться уже другими специалистами, прежде всего историками (или антропологами).

2. Археология — историческая наука (предмет археологии — исторический процесс, события и явления). Данная позиция характерна для историков, филологов и антропологов, заинтересовавшихся вещественными остатками прошлого и ставших археологами. Основная задача археологов в этом случае — поиск как надындивидуального, так и индивидуального в прошлом, а также причинно-следственных связей.

3. Археология — самостоятельная наука (предмет археологии широк и делится на две части — источниковедческую и интерпретационную). Данная позиция характерна для специалистов, которые считают археологические источники и методы настолько специфичными, что они позволяют заниматься совершенно независимым исследованием прошлого.

Приведенный выше обзор истории египетской археологии прозрачно указывает на то, что среди египтологов наиболее принятой является вторая позиция. В силу своей подготовки египтологи-археологи обычно не готовы исключить из своей работы тексты и отказаться от исторических интерпретаций. Но они и не готовы довольствоваться ролью археологии как «служанки истории». В 1970-е гг. египтология быстро обновлялась, и частью этого обновления стало большое число новых археологических проектов, на которые возлагались крупные надежды в плане улучшения научного понимания Древнего Египта в диахронической перспективе, включая социальную структуру общества, институты, религию, экономику, хозяйственные практики и др. Эти проекты возглавили относительно молодые специалисты, многим из которых было от 30

до 40 лет. Именно они оказались наиболее вовлечены в современную дискуссию о месте и роли археологии в египтологии.

В 1974 г. американский египтолог с опытом работы в некрополе Абидоса и дворцовом комплексе Мальката Дэвид О'Коннор выпустил статью, в которой оценил возможности археологии при изучении чисто исторической/антропологической темы — политических систем Древнего Египта. Он пришел к выводу, что монументальная архитектура, кладбища, распределение поселений, керамика и импортные материалы позволяют уточнить динамику политической централизации, увидеть региональные различия, выявить экономические аспекты власти и проверить интерпретации, полученные на основе изучения текстов. Вывод, который предлагает О'Коннор, таков: археология и тексты органично дополняют друг друга, при этом археология способна и уточнять, и писать историю (O'Connor, 1974).

Это был один из признаков назревания серьезной дискуссии о роли археологии в современной египтологии, которую пару лет спустя инициировал на Первом Международном конгрессе египтологов (1976) сверстник О'Коннора австрийский археолог Манфред Битак. Он принимал участие в кампании по спасению памятников Нубии, а затем приступил к сложным стратиграфическим раскопкам на поселении Телль эль-Даба (Аварис) в дельте Нила. В своем программном выступлении на конгрессе и затем статье (Bietak, 1979) М. Битак констатировал плачевное состояние, в котором находилась египетская археология (под археологией в данном случае подразумевались полевые исследования): поселения практически игнорировались, археология не воспринималась как самостоятельная дисциплина, методы были устаревшими. Он обратил внимание на долгую египтологическую традицию называть археологов «раскопщиками» (excavators), что, по его мнению, отражает непонимание сути дисциплины. Битак призвал коллег осознать, что раскопки — это лишь технический метод получения данных, а археология — это система научных методов анализа материальных остатков культуры, грамотное применение которых требует соответствующей подготовки. Автор отмечает, что по состоянию на конец 1970-х стандартное египтологическое образование фактически исключало знакомство студентов с археологической теорией и методикой, хотя обученные таким образом специалисты должны были со временем становиться, в частности, начальниками археологических экспедиций. Ставя вопрос о том, какое место следует занимать археологии в египтологии, он отмечает важную роль материальной культуры в познании тех этапов египетской истории, которые мало освещены в текстах. М. Битак считал филологию и археологию двумя главными методами исторического исследования и признавал, что они могут легко приводить к различным результатам. Однако возникающие противоречия, по его мнению, лишь демонстрируют, что египтологи пока не до конца понимают свои источники. Рассуждая далее о свойствах археологических и письменных свидетельств, М. Битак признает ограниченность и тех, и других, но считает, что они взаимно дополняют друг друга. В качестве примера их удачного синтеза автор приводит отождествление археологической культуры круглых могил (Pan-Grave) с известной по текстам культурной группой меджаев²². Основной же посыл статьи сводился к тому, что археологические источники имеют для египтологии значитель-

²² Есть некоторая ирония в том, что такое отождествление, казавшееся в тот момент весьма удачным примером согласования письменных и археологических источников, синтеза истории и археологии, сегодня не без оснований оспаривается (Liszka, 2012, p. 524–543).

ный неиспользуемый потенциал, а интеграция археологии в университетскую подготовку новых специалистов — необходимое условие модернизации науки о Древнем Египте и ее будущего развития.

Эти тезисы требовали подкрепления научной практикой. В 1983 г. Д. О'Коннор и его коллеги-единомышленники британский археолог Барри Кемп и участник нубийской кампании ЮНЕСКО канадский антрополог и археолог Брюс Триггер опубликовали при участии Алана Б. Ллойда коллективную монографию, посвященную социальной истории Древнего Египта. В этой работе они на практике показали, что изучение вмещающих ландшафтов и данных археологии способно корректировать, уточнять и дополнять письменные источники, особенно когда речь заходит о тех категориях египетского населения, процессах, областях и аспектах жизни древнеегипетского общества, которые не были достаточно освещены в текстах (Trigger et al., 1983). На значение этой работы для египтологии указывает тот факт, что к 2006 г. книга пережила целых 16 переизданий.

В следующем году один из авторов этой монографии, Б. Кемп, руководивший британскими раскопками в Телль эль-Амарне, выпустил важную теоретическую статью (Kemp, 1984). Он проанализировал содержание двух ведущих египтологических журналов — *Journal of Egyptian Archaeology* и *Zeitschrift für Ägyptische Sprache* — и пришел к выводу о том, что, несмотря на различия в названиях, указывающих вроде бы на приоритетное освещение археологии и соответственно языка, их содержание во многом было идентичным: оба издания представляли египтологию как единое дисциплинарное поле, в котором доминирует изучение текстов, а под археологией понимается практически любое изучение материальной культуры. Автор подтверждает, что египетская археология никогда не была автономной дисциплиной и всегда развивалась внутри готовых исторических схем и хронологических каркасов, выстроенных на основе письменных источников. В этом, по его мнению, есть очевидная проблема: хотя изменения повседневной материальной культуры не всегда совпадают с политическими изменениями, альтернативная исторической культурная периодизация Древнего Египта так и не разработана²³.

Далее Б. Кемп переходит к сравнению двух похожих случаев: поселка строителей гробниц в Дейр эль-Медине и поселка таких же строителей в Телль эль-Амарне (древнем Ахетатоне). Первое поселение по современным стандартам было раскопано откровенно плохо, но в ходе этих работ были найдены тысячи текстов. Во втором случае исследователи подробнейшим образом изучили археологию поселка (выделили функциональные зоны, проанализировали распределение находок, реконструировали рацион и местные производства), но не нашли ни одного текста, который можно было бы надежно связать с функционированием поселения. На примере этих двух памятников Б. Кемп сравнивает возможности письменных и археологических источников и приходит к выводу о том, что археология без текстов не может ответить на ключевые вопросы, связанные с социальной историей поселка в Телль эль-Амарне: как жители были организованы во время работ? Как можно охарактеризовать

²³ Несовпадения политической периодизации египетской истории и развития материальной культуры порой весьма значительны. Так, за пределами столичных регионов Раннединастический период в плане материальной культуры можно продлить до конца III династии Древнего царства. А материальная культура, возникшая в позднем Древнем царстве, просуществовала без существенных изменений вплоть до ранней XII династии Среднего царства, мало отразив важнейшие политические и социальные изменения Первого Переходного периода (Grajetzki, 2020). См. также: (Köhler, 2023).

экономику поселения? Как функционировал институт собственности? Как выстраивались отношения с центральной властью? А в Дейр эль-Медине, где археология, по сути, стала фоном для текстов, ученым тем не менее удалось подробно изучить истории жизни и социального взаимодействия конкретных людей и их семей, реконструировать социальную структуру населения поселка, организацию работ и снабжения, религиозную жизнь и верования.

Б. Кемп постарался осмыслить причины такого положения вещей и пришел к выводу о том, что современная наука логоцентрична и приспособлена работать со словами гораздо лучше, чем с визуальными массивами данных, которые предоставляет археология. Иначе говоря, археология дает визуальный образ древнего общества, который плохо вписывается в вербализованную структуру современного познания. По его мнению, археология способна детально реконструировать быт, прекрасно иллюстрирует повседневность, может корректировать художественные и исторические идеализации, но плохо справляется с реконструкцией институтов. Поэтому главный вывод автора таков: археология как академическая дисциплина с широкими интеллектуальными амбициями в значительной степени ограничена, если лишена поддержки текстами, из-за чего нахождение археологических данных «в тени» письменных источников неизбежно²⁴.

В 1990 г. Д. О'Коннор вновь вернулся к вопросу о роли письменных источников в египетской археологии (O'Connor, 1990). Он обратил внимание на существенное различие в способах периодизации доисторической и фараоновской фаз развития Древнего Египта. В случае с доисторической («дописьменной») фазой периодизация тесно и последовательно следует за изменениями типологии артефактов — прежде всего керамики, но также художественных форм и архитектуры. Однако с примерно 3000 г. до н.э. такая естественная для археологии периодизация заменяется периодизацией на основе текстов, куда входят династии и царства, с которыми конкретный археологический комплекс соотносится благодаря сопутствующим текстовым материалам. Вопрос о том, как интерпретировать в историческом или культурном отношении типологические изменения артефактов, сам по себе уже довольно непросто, а в египтологии все дополнительно усложнилось из-за совершенно внешних по отношению к археологии хронологических конвенций. Возможно, все это стало одной из причин, почему египтологи в массе своей не спешат использовать археологические данные для интерпретации исторических и культурных изменений, на что ранее уже указывал Б. Кемп (Kemp, 1975, 281–289).

С одной стороны, отмечает О'Коннор, наличие основанного на текстах хронологического каркаса является преимуществом: с ним можно довольно точно оценивать темпы фиксируемых археологически изменений. С другой стороны, это серьезная проблема. Типологические изменения всегда требуют объяснений, но в реальности в египтологии объясняются обычно лишь те из них, для которых удастся установить связь с политической и социальной историей, зафиксированной в текстах. А изменения, которые не коррелируют с известной письменной историей (и которые поэтому обладают наибольшим потенциалом для улучшения понимания прошлого), зачастую выпадают

²⁴ После написания этой статьи Б. Кемп еще четверть века руководил раскопками в Телль эль-Амарне и подготовил один из самых влиятельных трудов в современной египтологии (Kemp, 1989), где предложил свой взгляд на логику развития древнеегипетского общества, последовательно реализовывая свой принцип совмещения археологических и письменных источников при рассмотрении древних институтов, экономики, мышления и мировоззрения.

из поля зрения исследователей²⁵. По этой и другим причинам значительная часть уже собранных с большими усилиями и затратами археологических данных оказывается в случае египтологии в своего рода аналитическом «лимбе». В таких условиях, полагает автор, трудно четко определить цели и стратегию будущих усилий по сбору дополнительных археологических свидетельств.

Анализируя статистические данные по публикациям, О'Коннор вновь констатирует, что в египтологии в целом доминирует изучение языка и текстов. Египетская археология важна, но предпочтение традиционно отдается монументальным памятникам. Позитивные изменения, безусловно, имеются — например, рост в последние десятилетия XX в. значения поселенческой археологии и разведок, — однако структурно египтология остается текстоцентричной и ориентированной на элитные контексты. Чтобы изменить ситуацию, О'Коннор предлагает и далее развивать археологию поселений, обращать больше внимания на изучение социальной и экономической истории и более активно использовать антропологические модели, рассматривая Древний Египет в том числе в африканском контексте.

В 1997 г. на страницах *Cambridge Archaeological Journal* развернулась напряженная дискуссия, поводом к которой стал выход книги С.Т. Смита, посвященной изучению экономики и идеологии египетского империализма во II тыс. до н.э. на примере материалов из раскопок крепости Аскуп в Нубии (Smith, 1995). По мнению Смита, египетская экспансия в Нижнюю Нубию в Среднем царстве была прежде всего экономическим проектом, нацеленным на разработку минеральных ресурсов и контроль торговых путей, а идеология играла вторичную, легитимирующую роль, оправдывая уже принятые прагматические решения. В Новом царстве укрепление египетского господства в Нубии произошло, по его мнению, за счет перехода от прямой военной оккупации к аккультурации. Главным критиком экономического редукционизма Смита выступил Б. Кемп (Kemp, 1997). Он полагал, что идеология ни в коей мере не могла быть вторичной, поскольку египетская экспансия на юг традиционно осмыслялась через теологию царской власти. По его мнению, идеология не просто прикрывала экономические интересы государства и его правящего класса, а формировала само видение политики. В частности, он указывает на предпринятое египтянами в Нубии масштабное и требовавшее значительных ресурсов храмовое строительство, которое Б. Кемп считал крупным идеологическим проектом. Особенно хорошо несостоятельность идеи исключительно экономической рациональности в подчинении Нижней Нубии демонстрируют, по его мнению, монументальные проекты Рамсеса II.

Б. Триггер в этом обсуждении осторожно поддержал Смита. Он согласился, что экономика была ключевым фактором, определившим экспансию древних египтян в Нубии, но призвал учитывать и внешние факторы, среди которых он рассматривает внутреннее развитие древних нубийских обществ (Trigger, 1997). Важно, что в дискуссии поучаствовал также ассириолог Н. Постгейт, который раскритиковал противопоставление экономики и идеологии, полагая, что экономическое и символическое скорее

²⁵ Одним из важных исключений является опубликованная тогда же работа С. Зайдльмайера, посвященная погребальной археологии конца III тыс. до н.э. В ней автор постарался создать археологическую модель перехода от Древнего к Среднему царству, независимую от традиционной исторической периодизации (Seidlmayer, 1990). Одним из главных выводов книги является то, что археологический материал, на основе которого была предложена новая относительная хронология рассматриваемого этапа египетской истории, демонстрирует значительную преемственность и не подтверждает представление о Первом Переходном периоде как о едином и синхронном кризисе, охватившем все нижнее течение Нила.

переплетаются, чем конкурируют. Кроме того, он отметил, что развитие бюрократии имеет свою логику и может поддерживать административную экспансию без прямой привязки к экономической выгоде (Postgate, 1997). Эта дискуссия продемонстрировала обращение египтологов к теоретической археологии, а также сохранившееся напряжение между двумя египтологическими традициями, ориентированными на анализ текстов и материальной культуры. Смит, опираясь на археологические свидетельства, предложил материалистический подход к изучению проблемы египетского империализма. Кемп, апеллируя преимущественно к текстам, вернул на первый план идеологию и религиозные институты (храмы). Триггер стремился синтезировать, а Постгейт, имея за спиной опыт изучения древних обществ Месопотамии, поставил под вопрос самую предложенную дихотомию.

В 1999 г. Лиза Гидди напомнила коллегам о 20-летию программного выступления М. Битака на Первом Международном египтологическом конгрессе и подвела итоги развития полевых исследований в Египте за прошедшие два десятилетия (Giddy, 1999). По ее мнению, несмотря на ряд положительных изменений, принципиальные проблемы, обозначенные М. Битаком, не были решены. К концу XX в. египтология осталась дисциплиной преимущественно филологической, археологическая подготовка студентов была минимальной, навыки полевой работы редко входили в базовое египтологическое образование. В результате многие экспедиции продолжили возглавлять специалисты, не владеющие современными методами получения и интерпретации археологических данных и рассматривающие археологию как дополнение к текстам. Особенно крепкими эти традиции оказываются при изучении храмовых комплексов и элитных некрополей. Среди положительных изменений Л. Гидди отмечает развитие междисциплинарности, появление экспедиций с высокими стандартами полевой работы и прогресс поселенческой археологии.

На рубеже тысячелетий Д. О'Коннор подготовил еще один обзор развития египетской археологии после завершения Нубийской кампании ЮНЕСКО, с которым выступил на Восьмом Международном конгрессе египтологов (O'Connor, 2003). Он резко раскритиковал наивный эмпиризм (данные не «говорят сами за себя») и подчеркнул необходимость для египтологов обсуждать используемые теоретические модели, сравнивать интерпретационные подходы и осознать собственные скрытые предпосылки, так как все это влияет и на процесс раскопок, и на изучение их результатов. В качестве примера он приводит очень отличающиеся интерпретации построек в припирамидном поселении Кахун (Средний Египет), которые уходят своими основаниями в разные представления авторов о социальной структуре египетского общества Среднего царства, сформированные преимущественно на базе текстов. В конце он повторил свои же выводы тридцатилетней давности о том, что археология способна уточнять письменные свидетельства, компенсировать их недостаток и независимо выявлять структурные изменения в обществе, экономике, политической и религиозной жизни.

В XXI в. дискуссию о месте и роли археологии в египтологии продолжают пока в основном египтологи с полевым опытом, которые имеют либо антропологическое образование (например, Линн Мескелл и Стюарт Т. Смит), либо явно выраженный интерес к антропологии (Рихард Буссманн). Л. Мескелл обратилась к изучению повседневности на основе преимущественно материалов из Дейр эль-Медины и Телль эль-Амарны (Meskell, 2002), которые Б. Кемп приводил ранее для иллюстрации принципиального превосходства текстов над археологическими данными при изучении некоторых ключевых аспектов жизни древних египтян, в частности, институтов (Kemp, 1984). Л. Ме-

скелл расширила свои исследовательские возможности за счет опоры на данные как с поселенческих, так и из погребальных комплексов, используя их диалектически в сочетании с письменными источниками. Фиксируя традиционный тезис о том, что тексты отражают позиции и интересы элиты и зачастую не покрывают своим содержанием повседневную жизнь обычных людей, она отмечает, что применительно к Египту археологические свидетельства могут быть очень полезны для изучения быта, женщин, детей, а также маргинальных категорий населения вроде чужеземцев или рабов. Она отмечает, что археологические данные могут быть полезны и как альтернативные свидетельства, потенциально противоречащие текстам. Так, согласно письменным источникам, культ бога Атона был официально санкционирован и занимал центральное место в религиозной жизни обитателей Телль эль-Амарны, в то время как археологические свидетельства подтверждают сохранение традиционных культов других божеств, указывая на расхождение между официальной идеологией и частной религиозной практикой (Meskell, 2002, p. 7–12).

Этой же позиции в целом придерживается Т.С. Смит, который, солидаризируясь с Я. Моррисом, повторяет тезис о том, что традиционная для исторической археологии проблема взаимодействия текстов и материальной культуры не является «игрой с нулевой суммой» (Smith, 2003, p. 167). Археология, по его мнению, безусловно, помогает восполнять пробелы в письменной традиции, однако исследование материальной культуры имеет и куда более важную интерпретативную функцию. В 2010 г. он представил программную статью, которая фактически явилась ответом на опубликованную за четверть века до этого позицию Б. Кемпа (Smith, 2010). Смит оспорил неизбежность нахождения археологии в тени изучения письменных источников и постарался обосновать возможность интеграции в рамках египтологии археологии и истории на равных правах, причем не только для изучения таких конкретных и «приземленных» сторон жизни древнеегипетского общества, как, например, домашняя экономика или ремесло, но и для тем, гораздо более общих. Собрав несколько примеров, в которых, по его мнению, анализ археологических свидетельств позволил существенно скорректировать сформированную на основе текстов историческую картину и пересмотреть интерпретации элитных погребальных памятников, представления о разрушительных и стремительных завоеваниях или восприятие Древнего Египта как цивилизации без городов, Смит заключает, что археология способна вскрывать идеологические искажения, сокрытые в текстах.

Далее он переходит к вопросу о том, может ли археология выявлять индивидуальную агентность. По данному пункту он напрямую полемизирует с Б. Кемпом, который считал это трудно достижимым или почти невозможным. С.Т. Смит отмечает, что использованный Б. Кемпом пример Дейр эль-Медины, поселка с богатейшим письменным материалом, на деле является исключением для истории и археологии Древнего Египта. Этот уникальный памятник уводит от главной проблемы — того, что тексты в целом являются частью культуры и практики элит и дают крайне ограниченный доступ к изучению неграмотного абсолютного большинства древнеегипетского общества. Археология же, по его мнению, более надежно и объективно отражает действия большинства и фиксирует повседневность. Обращаясь к теории практики П. Бурдьё (Bourdieu, 1972, 1977), он разделяет представление о том, что ежедневные действия индивидов постоянно влияют на структурированные социальные пространства. Это обосновывает важность поиска агентности не только в действиях представителей элит, но и в повседневных практиках основной массы древнеегипетского населения. Рассматривая приме-

ры того, как археологические данные позволяют проникнуть в мир личных переживаний и действий простых людей²⁶, он делает вывод о том, что археология способна реконструировать никак не отраженные в письменных источниках индивидуальные действия и даже мысли, возвращая агентность тем людям, которые оказывались лишены голоса в поле текстов. По мнению С.Т. Смита, отстаиваемая им способность археологии корректировать или даже пересматривать политическую историю, а также выявлять не отраженные в текстах социальные процессы и индивидуальные действия²⁷ указывает на то, что лучшие результаты в изучении прошлого достигаются в том случае, если археологические данные и тексты учитываются совместно и без представления о естественном доминировании одной из этих категорий над другой.

Схожие взгляды были представлены в защищенной в том же году диссертации К.В. Брауна (Brown, 2010). Он также полагает, что рост количества текстов не уменьшает ценность археологии. Помимо очевидной способности восполнять и дополнять письменную традицию, археология, согласно Брауну, имеет возможность выявлять представления, идеологии и социальные структуры даже при отсутствии текстов. При этом ни один тип источников не является самодостаточным, в том числе и археологический, в чем К.В. Браун солидаризируется с Ф. Баркером: «В любых раскопках мы должны ожидать аспекты, которые невозможно интерпретировать только по материальным данным» (Barker, 1977, p. 200; Brown, 2010, p. 108).

Для науки о Древнем Египте на немецком языке большое значение имел симпозиум «Египтология и культурология: новые вызовы для междисциплинарной методик и дидактики в гуманитарных науках», прошедший в 2008 г. в Мюнхене (Methodik und Didaktik..., 2011). Его проведение было связано с решением двух задач: 1) компенсация нехватки методологической рефлексии в египтологии; 2) осмысление значения культурного поворота в социогуманитарных исследованиях²⁸. Вопрос соотношения археологических и письменных источников не был центральной темой симпозиума, но занял в докладах заметное место.

Многие участники отмечали, что считают немецкоязычную египтологию в начале XXI в. все еще чрезмерно текстоцентричной, предлагая в своих выступлениях пути решения этой проблемы. В программном эссе о месте археологии внутри немецкоязычной египтологии, подготовленном И. Форстнер-Мюллер и В. Мюллером (Forstner-Müller, Müller, 2011), делается общий вывод о том, что в египетской археологии прослеживается ряд важных изменений, среди которых постколониальный поворот, внимание к ландшафтам и геoarхеологии, а также развитие спасательной археологии, но она должна повысить свой статус в науке о Древнем Египте, преодолеть изоляцию от мировой археологии и стать связующим звеном между египтологией и другими дисциплинами. Для этого, в частности, предлагается усилить роль археологических курсов в образовании немецкоязычных египтологов. Некоторые исследователи, традиционно работающие с текстами, последовательно признавали в своих выступлениях важность археологии. Они подчеркивали опасность прямого отождествления письменных свидетельств с реальными практиками, призывая сопоставлять письменные источники с доступными археологическими данными (Eyre, 2011), и ставили задачу контекстуали-

²⁶ Правда, нельзя не отметить, что все приведенные автором примеры относятся к погребальной археологии.

²⁷ Характерно, что С.Т. Смит ничего не пишет при этом об институтах.

²⁸ «Культурный поворот» (cultural turn) — это термин, который описывает изменения, произошедшие в гуманитарных и социальных науках с начала 1970-х гг., в ходе которых в центре научных дискуссий оказались культура и ее роль в социальных процессах.

зировать тексты через материальность их носителей (Baines, 2011). Археологи, в свою очередь, стремились продемонстрировать коллегам возможности, которые дает анализ материальной культуры при решении исторических задач. Так, М. Зельхоф (Sählhof, 2011) отстаивал для древнеегипетской архитектуры статус важного источника по социальной истории Древнего Египта, который позволяет реконструировать организацию труда, уровень технологий, доступность ресурсов, административный контроль и экономические возможности общества. Схожие мысли, но уже применительно к погребениям, высказала Ю. Будка (Budka, 2011), считающая погребальные материалы одним из основных доступных источников для изучения повседневной жизни, социальной структуры, экономики и идентичности.

Наиболее радикальную форму признание важности археологии приобрело в выступлении М. Фитценрайтера, призвавшего всех египтологов гораздо активнее использовать в своей работе археологические методы, ибо все египтологи, по сути, являются археологами, даже если не осознают этого. Причина истинно археологической природы египтологии, по его мнению, в том, что абсолютно все источники египтологов, включая письменные, — это изначально не послания, а следы прошлого. В статье, посвященной перспективе описания древнеегипетской религии посредством археологии (Fitzenreiter, 2011), он отстаивает мнение о том, что религия существует не в текстах, а в процессе осуществления религиозной практики. При таком подходе любой храмовый или гробничный текст, с одной стороны, превращается в археологический источник со своей материальностью и логикой использования, а с другой стороны, становится одним из многих продуктов религиозной деятельности, среди которых были также действия и повседневные практики, ритуалы, предметы, изображения и архитектура, — все то, что успешно позволяет изучать археология. В связи с этим, по мнению Фитценрайтера, не теология и не филология, а анализ материальных следов человеческой деятельности должен стать основой исследования древнеегипетской религии. По сути, это наглядный пример практико-ориентированного подхода к изучению древнеегипетской культуры, который развивался в Берлине с 1990-х гг.

В теоретическом плане наибольший интерес для нашей темы представляет выступление М.К.Х. Эггерта (Eggert, 2011), посвященное тому, как должны взаимодействовать археология, история и филология при изучении древних обществ. Основной тезис исследователя состоит в том, что для наук о древности наиболее продуктивной формой сотрудничества является междисциплинарность (Interdisziplinarität), а не простое сосуществование дисциплин (мультидисциплинарность) или выход за их пределы (трансдисциплинарность). Тексты и археология, по мнению Эггерта, обычно освещают разные стороны прошлого, поэтому их данные редко подтверждают друг друга напрямую и обычно существуют как параллельные линии свидетельств. Однако принцип «врозь идти, вместе бить» («Getrennt marschieren, vereint schlagen»), предложенный в 1959 г. Г.Ю. Эггерсом в качестве модели взаимодействия археологии с другими науками (Eggers, 1959, p. 251), он считает устаревшим, поскольку в этом случае подразумевается лишь механическое сложение результатов отдельных исследований в разных областях. Следуя за медиевистом Р. Венкусом, он предлагает историкам, филологам и археологам сотрудничать уже с начальной стадии проведения исследований: формулировать общие вопросы, совместно обсуждать источники и постоянно контролировать интерпретации друг друга, — такой подход он и называет междисциплинарностью. Главный двигатель междисциплинарности, по мнению Эггерта, — исследователь, готовый выходить за пределы собственной специализации и понимать логику других дисциплин.

В конце обзора отметим, что первым египтологом, который обратился к современным теоретическим работам по собственно исторической археологии, судя по всему, стал Р. Буссманн. В частности, он принял предложенные шведским археологом-медиевистом А. Андреном три типа отношений археологических и письменных источников, возникающих в процессе интерпретации данных: соответствие (параллели между текстами и археологией), ассоциация (дополнение данных друг друга) и контраст (выявление противоречий). Одновременно он отметил современную тенденцию к осмыслению материальной культуры как текста, а текстов — как объектов материального мира, что включает изучение физических носителей надписей, практики письма, пространственного распределения письменности и телесности чтения (Bussmann, 2022, р. 355–356). Буссманн отмечает, что археология часто позволяет выявить и изучить реально выполненные действия, а тексты и изображения, в свою очередь, фиксируют нормативные и идеологические версии таких действий. Для сравнения этих двух уровней Р. Буссманн, как и С.Т. Смит, предлагает использовать в египтологических исследованиях теорию практики П. Бурдьё (Bussmann, 2022, р. 364)²⁹. Именно с этих позиций Р. Буссманн написал свою недавнюю монографию, посвященную египетской археологии Древнего и Среднего царств (Bussmann, 2023).

Заключение

История развития египетской археологии и ее вклада в исследование Древнего Египта отражает общие тенденции, прослеживаемые и при изучении других письменных обществ, где археология, история и антропология тесно переплетаются, но сохраняют в лице исследователей и институций стремление решать самостоятельные задачи, что создает постоянные разнонаправленные движения то к сближению двух или даже всех трех дисциплин, то к их размежеванию. В эту историю вошли и долгая борьба египетской археологии за освобождение от диктата текстов, и дискуссии о возможностях и ограничениях археологической герменевтики, и движение исследователей в сторону синтеза археологических, письменных и изобразительных источников при сохранении теоретического разнообразия. При этом пройденный египетской археологией путь имеет и ряд довольно существенных особенностей. На наш взгляд, они определяются взаимосвязанными объективными и субъективными факторами. Во-первых, необходимо отметить сравнительно слабое развитие в Египте поселенческой археологии, которая часто выступает драйвером теоретических и методологических инноваций в исторической археологии. С одной стороны, это очевидное следствие специфики вмещающего ландшафта нильской долины и дельты, который сделал большинство поселений (или их наиболее древние фазы развития) недоступными для исследователей наших дней. С другой стороны, нельзя не учитывать и долгое присутствие в египетской археологии антикварных интересов. Оба эти обстоятельства побуждали исследователей сосредоточивать свои усилия преимущественно на изучении храмовых и погребальных комплексов на окраинах пустынь. Во-вторых, заметную роль сыграло малое — относительно количества и разнообразия доступных источников — число египтологов, большинство которых оказывается в итоге вовлечено в интерпретации базового уровня, такие как определение, датировка, перевод и публикация первоисточников. Из этого обстоятельства вытекает третья особенность египтологии и египетской археологии — относительно неразвитая специализация.

²⁹ Подробнее о теории практик как более широком направлении в социальных науках см.: (Волков, Хархордин, 2008).

Мы рассмотрели историю археологического изучения Древнего Египта, разделив ее на три основных этапа: антикварианизм, типологический и контекстуальный этапы. Большую часть истории египтологии археология находилась в подчиненном положении по отношению к филологии и истории. Даже профессионализация египетской археологии в конце XIX в. не изменила доминирования текстоцентричной парадигмы. Большую часть истории египтологии археология поставляла материал для исторических реконструкций, выстроенных на основе письменных источников, но редко развивала самостоятельные интерпретационные инструменты. На контекстуальном этапе, начавшемся в 1960-х гг., положение и статус археологии в египтологии стали меняться. Кампания по спасению памятников Нижней Нубии, раскопки поселений, внедрение естественно-научных методов, расширение междисциплинарных контактов и точечное введение курсов по археологии в программы по египтологии — все это способствовало росту теоретического и методического потенциала египетской археологии. В результате возникли две параллельные, но связанные между собой дискуссии: 1) о природе, возможностях и ограничениях древнеегипетских археологических и письменных источников; 2) о статусе археологии в египтологии.

Их промежуточным итогом стало осознание того, что взаимодействие интерпретаций, полученных на основе материальных и письменных источников, носит сложный, иногда противоречивый характер. Базово давно принималось, что археологические свидетельства способны уточнять, корректировать и дополнять реконструкции, предложенные на основе анализа текстов, а также могут существенно улучшать понимание древней экономики и быта. Теперь же все чаще археологические данные начинают привлекать для реконструкции социальных, политических, религиозных и идеологических аспектов жизни древних обществ и индивидов, недостаточно отраженных или полностью отсутствующих в письменных источниках. Регулярно обнаруживаемые противоречия между двумя группами свидетельств не следует рассматривать как слабость науки; напротив, такие несоответствия позволяют лучше понять источники и определить наиболее актуальные темы для исследований.

Современная египтология так и не преодолела традиционный для себя текстоцентризм, что особенно отчетливо проявляется в продолжении использования чисто исторической династической хронологической схемы. Но это несколько нивелируется тем, что граница между текстами и материальной культурой все чаще осознается как не слишком принципиальная, что отражает более общую тенденцию в теоретическом осмыслении природы источников исторической археологии (Moreland, 2003). Наибольший интерес к вопросам взаимодействия текстов и материальной культуры проявляют сейчас египтологи с антропологическим образованием или интересом к антропологии. В артефактах начинают видеть возможную субъективность и сообщения, а в надписях — археологический контекст и материальность. Перспективы дальнейшего развития египетской археологии, на наш взгляд, связаны с углублением междисциплинарной интеграции, расширением применения теоретических моделей и сравнительных исследований. Накопленный теоретический и методологический потенциал египетской археологии, безусловно, наиболее востребован при изучении тех аспектов древнего прошлого, для которых письменные источники отсутствуют, фрагментарны или отражают лишь узкий социальный сегмент. Но гораздо важнее для его развития, быть может, — находить место для анализа материальной культуры и археологического контекста в тех областях, которые текстами как раз снабжены относительно хорошо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Антипова А.В. Вмещающий ландшафт (географический смысл и эколого-ресурсное содержание) // История и современность. 2006. №2. С. 3–23.

Возвращение в Египет: страницы истории российской египтологии / отв. ред. Г. А. Белова, С. В. Иванов. М. : ЦЕИ РАН, 2022. 164 с.

Ветохов С.В. Скала, гробница, часовня. Древнеегипетская скальная архитектура восточной Гизы. М. : ИВ РАН, 2024. 158 с.

Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.

Григорьев Г.П. О предмете археологии // Описание и анализ археологических источников. Иркутск : Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1981. С. 4–15.

Кинк Х.А. Египет до фараонов. М. : Наука, 1964. 198 с.

Кинк Х.А. Древнеегипетский храм. М. : Наука, 1979. 105 с.

Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1. Метаархеология : учебное пособие. СПб. : Бельведер, 2004. 470 с.

Клейн Л.С. История археологической мысли: в 2 т. Т. 2. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2011. 624 с.

Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М. : Соцэкгиз, 1959. 405 с.

Лебедев М.А. Красная земля. Египетские пустыни в эпоху Древнего царства. М. : ИВ РАН — Альма Матер, 2025. 351 с. : ил.

Лебедев М.А., Малых С.Е. Страна пирамид. Новейшие открытия археологов в Египте. СПб. : Питер, 2022. 306 с. : ил.

Лебедев М.А., Малых С.Е., Ветохов С.В. Забытые гробницы. Тайны древнеегипетского некрополя. СПб. : Питер, 2022. 320 с. : ил.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений / изд. 5-е. Т. 4. М. : Изд-во политической литературы, 1967. 565 с.

Малых С.Е. Смерть у пирамид. Египетский погребальный обряд в эпоху Древнего царства. М. : ИВ РАН — Альма Матер, 2025. 359 с. : ил.

Мартынов А.И., Шер Я.А. Методы археологического исследования. М. : Высшая школа, 1989. 223 с.

Прусаков Д.Б. Природа и человек в древнем Египте. М. : Московский лицей, 1999. 240 с.

Прусаков Д.Б. Древний Египет: почва цивилизации. Этюд о неолитической революции. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 152 с.

Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 636 с.

Черных Е.Н. Археология и история: хронологическо-методологический диссонанс наук // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых). М. : ИА РАН, 2016. С. 8–29.

Adams W.Y. Anthropology and Egyptology: Divorce and Remarriage? // Anthropology and Egyptology: A Developing Dialog. Sheffield : Sheffield Academic Press, 1997. P. 25–32.

A History of World Egyptology / Edited by A. Bednarski, A. Dodson, S. Ikram. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 572 p.

Ancient Egyptian Society. Challenging Assumptions, Exploring Approaches / Edited by D. Candelora, N. Ben-Marzouk, K.M. Cooney K.M. London; New York : Routledge, 2023. 440 p.

Andrén A. Between Artifacts and Texts: Historical Archaeology in Global Perspective. New York : Plenum Press, 1998. X. 215 p.

Anthropology and Egyptology: A Developing Dialog / Edited by J. Lustig. Sheffield : Sheffield Academic Press, 1997. 147 p.

Archaeology and Ancient History: Breaking Down the Boundaries / Edited by E.W. Sauer. London; New York : Routledge, 2004. 206 p. : ill.

Assmann J. Stein und Zeit: Mensch und Gesellschaft im Alten Ägypten. Munich : Fink, 1991. 335 p.

Baines J. Egyptology and the Social Sciences: Thirty Years on // Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. P. 573–597.

Baines J. Reflections on How Ancient Egyptian Comparative History is Done: From Microhistory to Cliodynamics // Journal of Egyptian History. 2020. Vol. 13. P. 422–431.

Baines J., Yoffee N. Order, Legitimacy and Wealth in Ancient Egypt and Mesopotamia // Archaic States. Santa Fe : School of American Research, 1998. P. 199–260.

Barker P. Techniques of Archaeological Excavation. New York : Universe Books, 1977. 279 p. : ill.

Bárta M. Analyzing Collapse. The Rise and Fall of the Old Kingdom. Cairo; New York : The American University in Cairo Press, 2019. 253 p.

Bell B. The Dark Ages in Ancient History, I: The First Dark Age in Egypt // American Journal of Archaeology. 1971. Vol. 75, No. 1. P. 1–26.

Bietak M. The Present State of Egyptian Archaeology // Journal of Egyptian Archaeology. 1979. Vol. 65. P. 156–160.

The Death of Archaeological Theory? / Edited by J. Bintliff, M. Pearce. Oxford : Oxbow, 2011. 89 p.

Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique: Précédé de trois études d'ethnologie Kabyle. Genève : Droz, 1972. 269 p.

Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1977. 255 p.

Brewer D.J. The Archaeology of Ancient Egypt Beyond Pharaohs. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. XVII. 200 p. : ill.

Brown K.M. A Pluralistic Contextual Approach for the Interpretation of Egyptian Archaeological Sites: Ph.D thesis. Cardiff : Cardiff University, 2010. 377 p. : ill.

Budka J. Fundmaterial aus Gräbern. Möglichkeiten und Grenzen der archäologischen Interpretation und ihre didaktische Vermittlung // Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. P. 185–204.

Bussmann R. Social Anthropology and Egyptian Archaeology // The Oxford Handbook of Archaeology Online. 2015. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.24

Bussmann R. Kulturtheorie in der Ägyptologie zwischen Archäologie und Text // Spuren der altägyptischen Gesellschaft: Festschrift für Stephan Seidlmayer. Berlin : de Gruyter, 2022. P. 351–368.

Bussmann R. The Archaeology of Pharaonic Egypt Society and Culture, 2700–1700 BC. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. XIII. 426 p.

Butzer K.W. *Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Cultural Ecology*. Chicago : University of Chicago Press, 1976. 134 p.

Butzer K.W. Context in Archaeology: An Alternative Perspective // *Journal of Field Archaeology*. 1980. Vol. 7. P. 417–422.

Der Manuelian P. *Walking among Pharaohs: George Reisner and the Dawn of Modern Egyptology*. London : Oxford University Press, 2023. 1043 p. : ill.

Drower M.S. *Flinders Petrie: A Life in Archaeology*. Madison : The University of Wisconsin Press, 1995. XXIV. 500 p. : ill.

Eggert M.K.H. Archäologie — Historie — Philologie. Überlegungen zur Disziplinarität in den Altertumswissenschaften // *Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften*. München : Wilhelm Fink, 2011. P. 31–52.

Egyptian Archaeology / Edited by W. Wendrich. Singapore : Blackwell Publishing, 2010. 292 p.

Egyptology Today / Edited by K.R. Weeks. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 283 p.

Eyre Ch. Source Mining in Egyptian Texts. The Reconstruction of Social and Religious Behaviour in Pharaonic Egypt // *Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften*. München : Wilhelm Fink, 2011. P. 599–615.

Fagan B.M. *The Rape of the Nile*. Boulder : Westview Press, 2004. 399 p.

Fitzenreiter M. Eine archäologische Perspektive auf die Beschreibung der altägyptischen Religion // *Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften*. München : Wilhelm Fink, 2011. P. 703–723.

Forstner-Müller I., Müller W. Ägyptische Archäologie im deutschsprachigen Raum. Tradition, Standard, Status und Ausblick // *Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften*. München: Wilhelm Fink, 2011. P. 205–215.

France P. *The Rape of Egypt: How the Europeans Stripped Egypt of Its Heritage*. London : Barrie & Jenkins, 1991. 240 p.

Giddy L. The Present State of Egyptian Archaeology: 1997 Update // *Studies on Ancient Egypt in Honour of H.S. Smith*. London : Egypt Exploration Society, 1999. P. 109–113.

Grajetzki W. *The People of the Cobra Province in Egypt: A Local History, 4500 to 1500 BC*. Oxford : Oxbow Books, 2020. 278 p. : ill.

Graves-Brown C.A. *The Ideological Significance of Flint in Dynastic Egypt: Ph.D thesis*. London : Institute of Archaeology, University College London, 2010. 581 p.

Guksch C.E. *Ethnoarchaeology in Egyptology. A View from Anthropology* // *Methoden und Geschichte der Ägyptologie: Informatik, Keramologie, Anthropologie. Akten des vierten Internationalen Ägyptologen Kongresses, München. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 1988. P. 41–51.*

Hassan F. *The Liberating Power of Archaeology: Changing Aims and Directions in Archaeology* // *A Future for the Past: Petrie's Palestinian Collection*. New York : Routledge, 2009. P. 37–46.

Hodder I. Contextual Archaeology: An Interpretation of Catal Htiyuk and a Discussion of the Origins of agriculture // *Bulletin of the Institute of Archaeology*. 1987a. Vol. 24. P. 43–56.

Hodder I. *The Archaeology of Contextual Meanings*. Cambridge : Cambridge University Press, 1987b. 144 p.

Egyptology and Anthropology. Historiography, Theoretical Exchange, and Conceptual Development. Proceedings of the Lady Wallis Budge Symposium Held at the University of Cambridge, 25–26 July 2017 / Edited by K. Howley, R. Nyord. // *Journal of Ancient Egyptian Interconnections* 17: CreateSpace Independent Publishing Platform. 2018. IX. 234 p.

Janssen J.J. *The Early State in Ancient Egypt* // *The Early State*. The Hague : Mouton, 1978. P. 213–234.

Johnsen H., Olsen B. *Hermeneutics and Archaeology: On the Philosophy of Contextual Archaeology* // *American Antiquity*. 1992. Vol. 57, No. 3. P. 419–436.

Kemp B. *Dating Pharaonic Cemeteries. Part I: Non-Mechanical Approaches to Seriation* // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo*. 1975. Bd. 31. P. 259–291.

Kemp B.J. *In the Shadow of Texts: Archaeology in Egypt* // *Archaeological Review from Cambridge*. 1984. Vol. 3, No. 2. P. 19–28.

Kemp B.J. *Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization*. London; New York : Routledge, 1989. 368 p.

Kemp B.J. *Why Empires Rise* // *Cambridge Archaeological Journal*. 1997. Vol. 7, No. 1. P. 125–131.

Köhler E.Ch. *Chronologies and the Materiality of Time in Ancient Egypt* // *Interdisciplinary Egyptology*. 2023. Vol. 2, No. 1. P. 1–18. DOI: 10.25365/integ.2022.v2.1

Liszka K. “We Have Come to Serve Pharaoh.” A Study of the Medjay and Pangrave as an Ethnic Group and as Mercenaries from c. 2300 BCE Until c. 1050 BCE: Ph.D thesis. Philadelphia : University of Pennsylvania, 2012. 674 p.: ill.

Lehner M., Kamel M., Tavares A. *Introduction: Season 2009. Overview and How we Construct the Record* // *Giza Plateau Mapping Project. Season 2009. Preliminary Report*. Boston : Ancient Egypt Research Associates, 2011. P. 9–12.

Lucas A. *Ancient Egyptian Materials*. London : Edward Arnold, 1926. 258 p.

Meskel L. *Archaeologies of Social Life. Age, Sex et cetera in Ancient Egypt*. Oxford : Wiley, 1999. 260 p.

Meskel L. *Private Life in New Kingdom Egypt*. Princeton : Princeton University Press, 2002. 238 p.: ill.

Meskel L. *Object Worlds in Ancient Egypt. Material Biographies Past and Present*. Oxford; New York : Berg Publishers, 2004. 248 p.

Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften / Edited by A. Verbovsek, B. Backes, C. Jones. München : Wilhelm Fink, 2011. 783 p. : ill.

Meyer E. *Geschichte des alten Aegyptens*. Berlin : G. Grote, 1887. 420 p. : ill.

Moreland J. *Archaeology and Text*. London : Duckworth, 2003. 144 p.

Moreno García H.C. *The Cursed Discipline? The Peculiarities of Egyptology at the Turn of the Twenty-First Century* // *Histories of Egyptology: Interdisciplinary Measures*. New York; London : Routledge, 2014. P. 50–63.

O'Connor D. *Political Systems and Archaeological Data in Egypt: 2600-1780 B.C.* // *World Archaeology*. 1974. Vol. 6, No. 1. Pp. 15–38.

O'Connor D. *Egyptology and Archaeology: An African Perspective* // *A History of African Archaeology*. London : James Currey, 1990. P. 236–251.

O'Connor D. *Egyptian Archaeology in the Twentieth Century // Egyptology at the Dawn of the Twenty-first Century. Proceedings of the Eighth International Congress of Egyptologists. Vol. 1. Cairo : Cairo University Press, 2003. P. 236–251.*

Postgate N. *Imperial Motivation — a Mesopotamian Angle // Cambridge Archaeological Journal. 1997. Vol. 7, No. 1. P. 133–135*

Prezioso E. *Cognitive Archaeology and the 'Ancient Mind': Mesopotamian Motifs in the Formation of Egyptian Elites in the Fourth Millennium // From the Prehistory of Upper Mesopotamia to the Bronze and Iron Age Societies of the Levant. Vol. 1. Trieste : EUT Edizioni Università di Trieste, 2020. P. 125–144.*

Raglan F.R.R.S. *How Came Civilization? London : Methuen, 1939. 191 p.*

Reid D.M. *Whose Pharaohs?: Archaeology, Museums, and Egyptian National Identity from Napoleon to World War I. Berkeley : University of California Press, 2003. 424 p.*

Reisner G.A. *Excavations at Kerma. Parts I–III, IV–V. Cambridge : Harvard African Studies, 1923. 528 p.*

Reisner G.A. *A Provincial Cemetery of the Pyramid Age at Nag ed-Deir III. London : Oxford University Press, 1932. 524 p.*

Reisner G.A. *A History of the Giza Necropolis I. Cambridge : Harvard University Press, 1942. 532 p.*

Said E.W. *Orientalism: Western Conceptions of the Orient. London : Routledge & Kegan Paul, 1978. 368 p.*

Sarfatti T. *The Description of Egypt from Napoleon to Champollion. Oxford : Palgrave Macmillan Cham, 2022. XIV. 296 p. : ill.*

Savelieva I. *In Search of the New 'Turns': History and Theory in the 21st Century (October 12, 2011). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 02/HUM/2011. DOI: 10.2139/ssrn.2002064*

Seidlmayer S.J. *Gräberfelder aus dem Übergang vom Alten zum Mittleren Reich. Studien zur Archäologie der Ersten Zwischenzeit. Heidelberg : Heidelberger Orientverlag, 1990. XIV. 465 p. : ill.*

Shennan S. *After Social Evolution: A New Archaeological Agenda? // Archaeological Theory: Who Sets the Agenda? Cambridge : Cambridge University Press, 1993. P. 53–59.*

Smith G.E. *The Ancient Egyptians and their Influence upon the Civilization of Europe. New York : Harper, 1911. 216 p.*

Smith G.E. *The Diffusion of Culture. London : Watts, 1933. 244 p.*

Smith S. *William Matthew Flinders Petrie. 1853–1942 // Obituary Notices of Fellows of the Royal Society. 1945. Vol. 5, No. 14. Pp. 3–16.*

Smith S.T. *Askut in Nubia: the Economics and Ideology of Egyptian Imperialism in the Second Millennium BC. London; New York : Kegan Paul International, 1995. XVIII. 242 p.*

Smith S.T. *Wretched Kush: Ethnic Identities and Boundaries in Egypt's Nubian Empire. London : Routledge, 2003. XX. 231 p.*

Smith S.T. *A Portion of Life Solidified: Understanding Ancient Egypt Through the Integration of Archaeology and History // Journal of Egyptian History. 2010. Vol. 3, no. 1. P. 155–185.*

Standards of Archaeological Excavations. A Fieldguide to the Methodology, Recording Techniques and Conventions / Edited by G.J. Tassie, L.S. Owens. London : Golden House Publications, 2010. 576 p.

Stocks D.A. Experiments in Egyptian Archaeology. Stoneworking Technology in Ancient Egypt. London; New York : Routledge, 2003. 263 p.

Tassie G.J. Have we Dug Ourselves into a Hole? Reappraising Excavation Methodology and Approaches in Egyptian Archaeology (Part Two): Kafr Hassan Dawood, a Case Study // Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists. Leuven : Peeters, 2007. P. 1769–1782.

The Oxford Handbook of Egyptology / Edited by I. Shaw, E. Bloxam. Oxford : Oxford University Press, 2020. XXVIII. 1260 p. : ill.

Thompson J. Wonderful Things: A History of Egyptology from Antiquity to 1881. Cairo : American University in Cairo Press, 2015a. 359 p.

Thompson J. Wonderful Things: A History of Egyptology, The Golden Age: 1881–1914. Cairo : American University in Cairo Press, 2015b. 374 p.

Thompson J. Wonderful Things: A History of Egyptology: 3: From 1914 to the Twenty-first Century. Cairo : American University in Cairo Press, 2018. 598 p.

Trigger B.G. Early Civilizations: Ancient Egypt in Context. Cairo : American University in Cairo Press, 1993. 158 p.

Trigger B.G. Nubia Rediviva // Cambridge Archaeological Journal. 1997. Vol. 7, No. 1. P. 131–133.

Trigger B.G. Understanding Early Civilizations. New York : Cambridge University Press, 2003. 757 c.

Trigger B.G. A History of Archaeological Thought, 2nd Edition. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. XX. 710 p. : ill.

Trigger B.G., Kemp B.J., O'Connor D., Lloyd A.B. Ancient Egypt: A Social History. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1983. XIII. 450 p.

Views of Ancient Egypt since Napoleon Bonaparte: Imperialism, Colonialism and Modern Appropriations / Edited by D. Jeffreys. London : UCL Press, 2003. 223 p. : ill.

Voss S. German Egyptology in Egypt // A History of World Egyptology. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 225–244.

Weeks K.R. Archaeology and Egyptology // Egyptology Today. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 7–22.

Wheeler M. Archaeology from the Earth. Oxford : Clarendon Press, 1954. XI. 221 p. : ill.

REFERENCES

Antipova A.V. Enclosing Terrain (Geographical Meaning and Ecological-Resource Content). *Istorii i sovremennost' = History and Modernity*. 2006;2:3–23. (*In Russ.*)

Return to Egypt: Pages from the History of Russian Egyptology / Edited by G.A. Belova, S.V. Ivanov. Moscow : CEI RAN, 2022. 164 p. (*In Russ.*)

Vetokhov S.V. Rock, Tomb, Chapel: Ancient Egyptian Rock-Cut Architecture of Eastern Giza. Moscow : IV RAN, 2024. 158 p. : ill. (*In Russ.*)

Volkov V.V., Kharkhordin O.V. Theory of Practices. St Petersburg : Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2008. 298 p. (*In Russ.*)

Grigoriev G.P. On the Subject Matter of Archaeology. In: Description and Analysis of Archaeological Sources. Irkutsk : Irkutskij gosudarstvennyj universitet im. A.A. Zhdanova, 1981. Pp. 4–15. (*In Russ.*)

Kink H.A. Egypt Before the Pharaohs. Moscow : Nauka, 1964. 198 p. (*In Russ.*)

- Kink H.A. The Ancient Egyptian Temple. Moscow : Nauka, 1979. 105 p. (*In Russ.*)
- Klejn L.S. Introduction to Theoretical Archaeology. Book 1: Metaarchaeology: A Textbook. St Petersburg : Bel'veder, 2004. 470 p. (*In Russ.*)
- Klejn L.S. History of Archaeological Thought: In 2 vols. Vol. 2. St Petersburg : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2011. 624 p. (*In Russ.*)
- Kon I.S. Philosophical Idealism and the Crisis of Bourgeois Historical Thought. Moscow : Socekgiz, 1959. 405 p. (*In Russ.*)
- Lebedev M.A. The Red Land: The Egyptian Deserts in the Old Kingdom. Moscow : IV RAN — Alma Mater, 2025. 351 p. : ill. (*In Russ.*)
- Lebedev M.A., Malykh S.E. The Land of the Pyramids: The Latest Archaeological Discoveries in Egypt. St Petersburg : Piter, 2022. 306 p. : ill. (*In Russ.*)
- Lebedev M.A., Malykh S.E., Vetokhov S.V. Forgotten Tombs: Secrets of the Ancient Egyptian Necropolis. St Petersburg : Piter, 2022. 320 p. : ill. (*In Russ.*)
- Lenin V.I. Collected Works / 5th ed. Vol. 4. Moscow : Izd-vo politicheskoi literatury, 1967. 565 p. (*In Russ.*)
- Malykh S.E. Death by the Pyramids: The Egyptian Funerary Rite in the Old Kingdom. Moscow : IV RAN — Alma Mater, 2025. 359 pp. : ill. (*In Russ.*)
- Martynov A.I., Sher Ya.A. Methods of Archaeological Research. Moscow : Vysshaya shkola, 1989. 223 p. (*In Russ.*)
- Prusakov D.B. The Nature and the Man in Ancient Egypt. Moscow : Moskovskij licej, 1999. 240 p. (*In Russ.*)
- Prusakov D.B. Ancient Egypt: The Soil of a Civilization. Etude on the Neolithic Revolution. Moscow : Knizhnyj dom "LIBROKOM", 2009. 152 p. (*In Russ.*)
- Said E.W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. St Petersburg : Russkij mir, 2006. 636 p. (*In Russ.*)
- Chernykh E.N. Archaeology and History: A Chronological and Methodological Dissonance of the Disciplines. In: Interdisciplinary Integration in Archaeology (Based on Lectures for Graduate Students and Young Scholars). Moscow : IA RAN, 2016. Pp. 8–29. (*In Russ.*)
- Adams W.Y. Anthropology and Egyptology: Divorce and Remarriage? In: Anthropology and Egyptology: A Developing Dialog. Sheffield : Sheffield Academic Press, 1997. Pp. 25–32.
- A History of World Egyptology / Edited by A. Bednarski, A. Dodson, S. Ikram. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. 572 p.
- Ancient Egyptian Society. Challenging Assumptions, Exploring Approaches / Edited by D. Candelora, N. Ben-Marzouk, K.M. Cooney K.M. London; New York : Routledge, 2023. 440 p.
- Andrén A. Between Artifacts and Texts: Historical Archaeology in Global Perspective. New York : Plenum Press, 1998. X. 215 p.
- Anthropology and Egyptology: A Developing Dialog / Edited by J. Lustig. Sheffield : Sheffield Academic Press, 1997. 147 p.
- Archaeology and Ancient History: Breaking Down the Boundaries / Edited by E.W. Sauer. London; New York : Routledge, 2004. 206 p. : ill.
- Assmann J. Stein und Zeit: Mensch und Gesellschaft im Alten Ägypten. Munich : Fink, 1991. 335 p. (*In German*)

Baines J. Egyptology and the Social Sciences: Thirty Years on. In: Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. Pp. 573–597. (*In German*)

Baines J. Reflections on How Ancient Egyptian Comparative History is Done: From Microhistory to Cliodynamics. *Journal of Egyptian History*. 2020;13:422–431.

Baines J., Yoffee N. Order, Legitimacy and Wealth in Ancient Egypt and Mesopotamia. In: Archaic States. Santa Fe : School of American Research, 1998. Pp. 199–260.

Barker P. Techniques of Archaeological Excavation. New York : Universe Books, 1977. 279 p. : ill.

Bárta M. Analyzing Collapse. The Rise and Fall of the Old Kingdom. Cairo; New York : The American University in Cairo Press, 2019. 253 p.

Bell B. The Dark Ages in Ancient History, I: The First Dark Age in Egypt. *American Journal of Archaeology*. 1971;75(1):1–26.

Bietak M. The Present State of Egyptian Archaeology. *Journal of Egyptian Archaeology*. 1979;65:156–160.

The Death of Archaeological Theory? / Edited by J. Bintliff, M. Pearce. Oxford : Oxbow, 2011. 89 p.

Bourdieu P. Esquisse d'une théorie de la pratique: Précédé de trois études d'ethnologie Kabyle. Genève: Droz, 1972. 269 p. (*In French*)

Bourdieu P. Outline of a Theory of Practice. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1977. 255 p.

Brewer D.J. The Archaeology of Ancient Egypt Beyond Pharaohs. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. XVII. 200 p.: ill.

Brown K.M. A Pluralistic Contextual Approach for the Interpretation of Egyptian Archaeological Sites: Ph.D thesis. Cardiff : Cardiff University, 2010. 377 p. : ill.

Budka J. Fundmaterial aus Gräbern. Möglichkeiten und Grenzen der archäologischen Interpretation und ihre didaktische Vermittlung. In: Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. Pp. 185–204. (*In German*)

Bussmann R. Social Anthropology and Egyptian Archaeology. In: Oxford Handbook of Archaeology Online. 2015. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199935413.013.24

Bussmann R. Kulturtheorie in der Ägyptologie zwischen Archäologie und Text. In: Spuren der altägyptischen Gesellschaft: Festschrift für Stephan Seidlmayer. Berlin : de Gruyter, 2022. Pp. 351–368. (*In German*)

Bussmann R. The Archaeology of Pharaonic Egypt Society and Culture, 2700–1700 BC. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. XIII. 426 p.

Butzer K.W. Early Hydraulic Civilization in Egypt: A Study in Cultural Ecology. Chicago : University of Chicago Press, 1976. 134 p.

Butzer K.W. Context in Archaeology: An Alternative Perspective. *Journal of Field Archaeology*. 1980;7:417–422.

Der Manuelian P. Walking among Pharaohs: George Reisner and the Dawn of Modern Egyptology. London : Oxford University Press, 2023. 1043 p. : ill.

Drower M.S. Flinders Petrie: A Life in Archaeology. Madison : The University of Wisconsin Press, 1995. XXIV. 500 p. : ill.

Eggert M.K.H. Archäologie — Historie — Philologie. Überlegungen zur Disziplinarität in den Altertumswissenschaften. In: Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. Pp. 31–52. (In German)

Egyptian Archaeology / Edited by W. Wendrich. Singapore : Blackwell Publishing, 2010. 292 p.

Egyptology Today / Edited by K.R. Weeks. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. 283 p.

Eyre Ch. Source Mining in Egyptian Texts. The Reconstruction of Social and Religious Behaviour in Pharaonic Egypt. In: Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. Pp. 599–615.

Fagan B.M. The Rape of the Nile. Boulder : Westview Press, 2004. 399 p.

Fitzenreiter M. Eine archäologische Perspektive auf die Beschreibung der altägyptischen Religion. In: Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. Pp. 703–723. (In German)

Forstner-Müller I., Müller W. Ägyptische Archäologie im deutschsprachigen Raum. Tradition, Standard, Status und Ausblick. In: Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften. München : Wilhelm Fink, 2011. Pp. 205–215. (In German)

France P. The Rape of Egypt: How the Europeans Stripped Egypt of Its Heritage. London : Barrie & Jenkins, 1991. 240 p.

Giddy L. The Present State of Egyptian Archaeology: 1997 Update. In: Studies on Ancient Egypt in Honour of H.S. Smith. London : Egypt Exploration Society, 1999. Pp. 109–113.

Grajetzki W. The People of the Cobra Province in Egypt: A Local History, 4500 to 1500 BC. Oxford : Oxbow Books, 2020. 278 p. : ill.

Graves-Brown C.A. The Ideological Significance of Flint in Dynastic Egypt: Ph.D thesis. London : Institute of Archaeology, University College London, 2010. 581 p.

Guksch C.E. Ethnoarchaeology in Egyptology. A View from Anthropology. In: Methoden und Geschichte der Ägyptologie: Informatik, Keramologie, Anthropologie. Akten des vierten Internationalen Ägyptologen Kongresses, München. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 1988. Pp. 41–51.

Hassan F. The Liberating Power of Archaeology: Changing Aims and Directions in Archaeology In: A Future for the Past: Petrie's Palestinian Collection. New York : Routledge, 2009. Pp. 37–46.

Hodder I. Contextual Archaeology: An Interpretation of Catal Htiyuk and a Discussion of the Origins of agriculture. *Bulletin of the Institute of Archaeology*. 1987a;24:43–56.

Hodder I. The Archaeology of Contextual Meanings. Cambridge : Cambridge University Press, 1987b. 144 p.

Egyptology and Anthropology. Historiography, Theoretical Exchange, and Conceptual Development. Proceedings of the Lady Wallis Budge Symposium Held at the University of Cambridge, 25–26 July 2017 / Edited by K. Howley, R. Nyord. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections 17: Create Space Independent Publishing Platform*, 2018. IX, 234.

Janssen J.J. The Early State in Ancient Egypt. In: The Early State. The Hague : Mouton, 1978. Pp. 213–234.

Johnsen H., Olsen B. Hermeneutics and Archaeology: On the Philosophy of Contextual Archaeology. *American Antiquity*. 1992;57(3):419–436.

Kemp B. Dating Pharaonic Cemeteries. Part I: Non-Mechanical Approaches to Seriation. *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts Kairo*. 1975;31:259–291.

Kemp B.J. In the Shadow of Texts: Archaeology in Egypt. *Archaeological Review from Cambridge*. 1984;3(2):19–28.

Kemp B.J. Ancient Egypt. Anatomy of a Civilization. London; New York : Routledge, 1989. 368 p.

Kemp B.J. Why Empires Rise. *Cambridge Archaeological Journal*. 1997;7(1):125–131.

Köhler E.Ch. Chronologies and the Materiality of Time in Ancient Egypt. *Interdisciplinary Egyptology*. 2023;2(1):1–18. DOI: 10.25365/integ.2022.v2.1

Liszka K. “We Have Come to Serve Pharaoh.” A Study of the Medjay and Pangrave as an Ethnic Group and as Mercenaries from c. 2300 BCE Until c. 1050 BCE: Ph.D thesis. Philadelphia : University of Pennsylvania, 2012. 674 p.: ill.

Lehner M., Kamel M., Tavares A. Introduction: Season 2009. Overview and How we Construct the Record. In: Giza Plateau Mapping Project. Season 2009. Preliminary Report. Boston : Ancient Egypt Research Associates, 2011. Pp. 9–12.

Lucas A. Ancient Egyptian Materials. London : Edward Arnold, 1926. 258 p.

Meskel L. Archaeologies of Social Life. Age, Sex et cetera in Ancient Egypt. Oxford : Wiley, 1999. 260 p.

Meskel L. Private Life in New Kingdom Egypt. Princeton : Princeton University Press, 2002. 238 p.: ill.

Meskel L. Object Worlds in Ancient Egypt. Material Biographies Past and Present. Oxford; New York : Berg Publishers, 2004. 248 p.

Methodik und Didaktik in der Ägyptologie. Herausforderungen eines kulturwissenschaftlichen Paradigmenwechsels in den Altertumswissenschaften / Edited by A. Verbovsek, B. Backes, C. Jones. München : Wilhelm Fink, 2011. 783 p. : ill. (In German)

Meyer E. Geschichte des alten Aegyptens. Berlin : G. Grote, 1887. 420 p. : ill. (In German)

Moreland J. Archaeology and Text. London : Duckworth, 2003. 144 p.

Moreno García H.C. The Cursed Discipline? The Peculiarities of Egyptology at the Turn of the Twenty-First Century. In: Histories of Egyptology: Interdisciplinary Measures. New York; London : Routledge, 2014. Pp. 50–63.

O'Connor D. Political Systems and Archaeological Data in Egypt: 2600-1780 B.C. *World Archaeology*. 1974;6(1):15–38.

O'Connor D. Egyptology and Archaeology: An African Perspective. In: A History of African Archaeology. London : James Currey, 1990. Pp. 236–251.

O'Connor D. Egyptian Archaeology in the Twentieth Century. In: Egyptology at the Dawn of the Twenty-first Century. Proceedings of the Eighth International Congress of Egyptologists. Vol. 1. Cairo : Cairo University Press, 2003. Pp. 236–251.

Postgate N. Imperial Motivation — a Mesopotamian Angle. *Cambridge Archaeological Journal*. 1997;7(1):133–135.

Prezioso E. Cognitive Archaeology and the ‘Ancient Mind’: Mesopotamian Motifs in the Formation of Egyptian Elites in the Fourth Millennium. In: From the Prehistory of Upper

Mesopotamia to the Bronze and Iron Age Societies of the Levant. Vol. 1. Trieste : EUT Edizioni Università di Trieste, 2020. Pp. 125–144.

Raglan F.R.R.S. How Came Civilization? London : Methuen, 1939. 191 p.

Reid D.M. Whose Pharaohs?: Archaeology, Museums, and Egyptian National Identity from Napoleon to World War I. Berkeley : University of California Press, 2003. 424 p.

Reisner G.A. Excavations at Kerma. Parts I–III, IV–V. Cambridge : Harvard African Studies, 1923. 528 p.

Reisner G.A. A Provincial Cemetery of the Pyramid Age at Nag ed-Deir III. London : Oxford University Press, 1932. 524 p.

Reisner G.A. A History of the Giza Necropolis I. Cambridge : Harvard University Press, 1942. 532 p.

Said E.W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient. London : Routledge & Kegan Paul, 1978. 368 p.

Sarfatti T. The Description of Egypt from Napoleon to Champollion. Oxford : Palgrave Macmillan Cham, 2022. XIV. 296 p. : ill.

Savelieva I. In Search of the New ‘Turns’: History and Theory in the 21st Century (October 12, 2011). Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 02/HUM/2011. DOI: 10.2139/ssrn.2002064

Seidlmayer S.J. Gräberfelder aus dem Übergang vom Alten zum Mittleren Reich. Studien zur Archäologie der Ersten Zwischenzeit. Heidelberg : Heidelberger Orientverlag, 1990. XIV. 465 p. : ill.

Shennan S. After Social Evolution: A New Archaeological Agenda? In: Archaeological Theory: Who Sets the Agenda? Cambridge : Cambridge University Press, 1993. Pp. 53–59.

Smith G.E. The Ancient Egyptians and their Influence upon the Civilization of Europe. New York : Harper, 1911. 216 p.

Smith G.E. The Diffusion of Culture. London : Watts, 1933. 244 p.

Smith S. William Matthew Flinders Petrie. 1853–1942. *Obituary Notices of Fellows of the Royal Society*. 1945;5(14):3–16.

Smith S.T. Askut in Nubia: the Economics and Ideology of Egyptian Imperialism in the Second Millennium BC. London; New York : Kegan Paul International, 1995. XVIII. 242 p.

Smith S.T. Wretched Kush: Ethnic Identities and Boundaries in Egypt’s Nubian Empire. London : Routledge, 2003. XX. 231 p.

Smith S.T. A Portion of Life Solidified: Understanding Ancient Egypt Through the Integration of Archaeology and History. *Journal of Egyptian History*. 2010;3(1):155–185.

Standards of Archaeological Excavations. A Fieldguide to the Methodology, Recording Techniques and Conventions / Edited by G.J. Tassie, L.S. Owens. London : Golden House Publications, 2010. 576 p.

Stocks D.A. Experiments in Egyptian Archaeology. Stoneworking Technology in Ancient Egypt. London; New York : Routledge, 2003. 263 p.

Tassie G.J. Have we Dug Ourselves into a Hole? Reappraising Excavation Methodology and Approaches in Egyptian Archaeology (Part Two): Kafr Hassan Dawood, a Case Study. In: Proceedings of the Ninth International Congress of Egyptologists. Leuven : Peeters, 2007. Pp. 1769–1782.

The Oxford Handbook of Egyptology / Edited by I. Shaw, E. Bloxam. Oxford : Oxford University Press, 2020. XXVIII. 1260 p. : ill.

Thompson J. *Wonderful Things: A History of Egyptology from Antiquity to 1881*. Cairo : American University in Cairo Press, 2015a. 359 p.

Thompson J. *Wonderful Things: A History of Egyptology, The Golden Age: 1881–1914*. Cairo : American University in Cairo Press, 2015b. 374 p.

Thompson J. *Wonderful Things: A History of Egyptology: 3: From 1914 to the Twenty-first Century*. Cairo : American University in Cairo Press, 2018. 598 p.

Trigger B.G. *Early Civilizations: Ancient Egypt in Context*. Cairo : American University in Cairo Press, 1993. 158 p.

Trigger B.G. Nubia Rediviva. *Cambridge Archaeological Journal*. 1997;7(1):131–133.

Trigger B.G. *Understanding Early Civilizations*. New York : Cambridge University Press, 2003. 757 p.

Trigger B.G. *A History of Archaeological Thought*, 2nd Edition. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. XX. 710 p. : ill.

Trigger B.G., Kemp B.J., O'Connor D., Lloyd A.B. *Ancient Egypt: A Social History*. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 1983. XIII. 450 p.

Views of Ancient Egypt since Napoleon Bonaparte: Imperialism, Colonialism and Modern Appropriations / Edited by D. Jeffreys. London : UCL Press, 2003. 223 p. : ill.

Voss S. German Egyptology in Egypt. In: *A History of World Egyptology*. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. P. 225–244.

Weeks K.R. *Archaeology and Egyptology*. In: *Egyptology Today*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. Pp. 7–22.

Wheeler M. *Archaeology from the Earth*. Oxford : Clarendon Press, 1954. XI. 221 p. : ill.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Лебедев Максим Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Maksim A. Lebedev, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.

Статья поступила в редакцию 30.04.2026;

одобрена после рецензирования 18.05.2026;

принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 30.04.2026;

approved after reviewing 18.05.2026;

accepted for publication 03.06.2026.